

Ян Горский

Тривиа

История жизни Иоанна Крестителя

Ян Горский

**Тривиа. История жизни
Иоанна Крестителя**

«Издательские решения»

Горский Я.

Тривиа. История жизни Иоанна Крестителя / Я. Горский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851440-1

Стремясь исполнить данное матери обещание, юный Иоанн уходит в Кумран к загадочным ессеям и позже предстает величайшим из пророков Израиля. Он и не подозревает, что станет заложником власти, оказавшейся в его руках. Что же помешает ему последовать за долгожданным Спасителем? И почему его ближайший сподвижник Андрей, а не сам Иоанн станет первозванным учеником Христа? Это роман о силе выбора, об искушении властью и о том, какие вызовы она кроет в себе.

ISBN 978-5-44-851440-1

© Горский Я.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть I – Семя	8
Покидая родной Хеврон	9
Первая любовь	16
Перерождение на Храмовой горе	25
Мятеж	28
Пьяный священник	31
Вода или камни	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Тривиа

История жизни Иоанна Крестителя

Ян Горский

*На перекрестке судьбы, сердце подсказывает верный путь,
но даже зная его, мы отступаем, лишённые отваги.*

© Ян Горский, 2017

ISBN 978-5-4485-1440-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга является художественным произведением. Ссылки на имена, названия, события, и местности упоминаются исключительно для того, чтобы придать чувство реальности и используются вымышлено. Все иные герои, события и диалоги в романе – плод авторского воображения.

ТРИВИА – богиня в древнеримской мифологии. Считалась покровительницей распутий и изображалась с тремя головами, глядящими на три дороги. Древние римляне использовали слово «triviae» для описания места, где одна дорога разделялась на несколько.

Одновременно, тривиа – от «тривиальный» используется для обозначения незначительных жизненных мелочей.

Сказал также Иисус ученикам: невозможно не придти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят; лучше было бы ему, если бы мельничный жернов повесили ему на шею и бросили его в море, нежели чтобы он соблазнил одного из малых сих. *Наблюдайте за собою.*
Лука 17:1—3

После смерти грозного и противоречивого царя Иудеи Ирода Великого в 4 году н. э. Рим решил разделить святыне для иудеев земли – между тремя его сыновьями: Архелаем, которому достались Иудея, Самария и Идумея, Антипой, получившим Галилею и Перею, и Филиппом, которому отошли Итурея и Трахонитида.

Не прошло и двух лет как Архелай, претендовавший на титул царя, не смог сдержать гнева людей и, проявив себя как несведущий правитель, потерял доверие императора Августа. На его место в Иудею был послан римский прокуратор Копоний.

Пролог

Еще совсем недавно Иоанн, прозванный Крестителем, был одним из самых почитаемых и уважаемых людей во всех окрестностях Палестины, и даже властные саддукеи побаивались его, а народ любил за прямоту и простоту. Слова, пробуждающие и увлекающие даже самых разочарованных в жизни и выводящие их из состояния мертвоты пустынной, ключом били из Иоанна. Эти откровения небесной премудрости народ с упоением разносил по городам и селениям Палестины. Отцы повторяли их своим сыновьям, крестьяне обсуждали их за трапезной беседой в деревнях, а многознающие купцы – на привалах в пути и на рыночных площадях. Да и учителя закона, просвещая в галереях на Храмовой горе, не могли игнорировать разумность Крестителя, бросающую вызов их опытным сердцам. Та жизнь, что дарили его проповеди, резонировала даже по просторам Ассирии и Малой Азии, воскрешая дух иудейских диаспор от египетской Александрии до Вавилона и Коринфа.

Благочестивые мыслители, подобные Иоанну, посылаются Небесами нечасто – раз в десять, а то и в двадцать поколений. В нем воплощались надежды того божественного, что живет в каждой сущности. Ведь даже в самой гнилой, исчерненной отвратительными пороками душе он отыскивал то небесное мерцание, что есть в каждом из нас. Прежде, силой своих изречений, юный пророк вызывал расщелину в покрытой пороками поволоке, затем хватался за луч божественного света, что пробивался из нее, и болезненно, страстно вызволял его наружу, отчего многие, впервые уличезрев в себе частицу Бога, начинали вдруг верить в себя. Верить в то, что и они не лишены святости и не покинуты Всевышним. В такие мгновенья тяжесть пережитых страданий сгорала в этом небесном луче, и чем больше было в сердце накопленной боли, тем ярче окаймляло его пламя, сжигая все прошлые беды и окрыляя надеждой. А выбравшись из телесной темницы, этот луч, словно ручей, рвущийся с гор к огромной реке, вновь устремлялся к своему источнику, туда, где когда-то родилось бытие. И все, что оставалось воскресшим душам, так это не сместить русло потока какой-либо грешной препоной.

Даже самый маленький и ничтожный человек, не верящий в себя, ненавидящий себя и считающий недостойным, начинал думать, что и он не безразличен ангелам, что где-то там, высоко на небе, кому-то есть дело до его порочной души. Да, появлялся страх, но разве не он до сих пор двигал ту самую душу по перекресткам искушающих выборов?

Иоанн и сам поражался тому, как Божья благодать вскипала в нем. Подавить ее было не проще, чем удержать поводья дикого, необъезженного скакуна. Но зачастую человеческий разум просто не мог вместить бесконечность благодати Всевышнего и, в своем малодушии, начинал ожидать неминуемого падения. Однако Креститель верил в себя, верил в ниспосланное ему предназначение. Всю жизнь Иоанна преследовало таинственное чувство, будто кто-то на Небесах направляет его, ведет и даже как-то специально подстраивает события под него. Порой стыд пробирал его за такие мысли, и все же ощущение, что сам Всевышний влияет на судьбы людей вокруг него, лишь бы Иоанн не свернул с пути своего предначертания, было ему вовсе не чуждым. Однако с тех пор как жизнь привела его к провиденциальному выбору, эти чувства угасли и не возвращались. Теперь же, он не был способен никого вдохновлять и никому помогать, хотя, как учил сам, помощь другим – лучшее лекарство от дьявола.

Сейчас его душа была запутана в сетях, подобно карпу из Тивериадского озера. Как несчастная рыбешка, чешуя которой обсохла под палящим зноем, жадно хватает воздух губами, борясь за жизнь; так теперь и душа Иоанна, связанная лабиринтами небывалых мечтаний, судорожно пульсировала. Она задыхалась в ауре увядающих и уже теряющих всякий смысл ожиданий. А ведь именно они питали его несокрушимую решимость и веру в себя. И где же она сейчас, Боже?

Лежать на берегу, подобно тому самому запутавшемуся в сетях карпу, и смотреть на воды озера, зная, что оно есть, оно рядом, – ведь еще недавно он там был, – но не суметь вернуться в его прохладную умиротворенную глубину. Вот чего искала его душа – покоя!

Иоанн проснулся от боли в спине. Горло пересохло, отчего дыхание отдавало хрипотой.

– Они даже не дают мне пить, – проскользнула мысль в голове. – Почему Антипа так поступил со мной? Неужели решил идти по стопам своего отца?

Креститель приподнялся и посмотрел через проржавевшую замаранную решетку в надежде, что охранник принес воду. Не увидев кружки, он оперся спиной о стену и, расслабив шею, наклонил голову к плечу.

– А может, Бог мстит мне через Антипу? Или это дьявол решил уничтожить меня, пока я слаб? Боже, я уже окончательно запутался, почти с ума сошел. Ненавижу! Дайте возможность, и я покончу с этим!

Наверху слышались музыка и похлопывания в ладоши. Саломея¹ уже приковала внимание званных гостей танцем.

¹ Саломея – иудейская царевна, дочь Иродиады, падчерица Ирода Антипы. Танец юной Саломеи на праздновании дня рождения последнего привел к тому, что она потребовала убить пророка Иоанна Крестителя, и после казни ей была принесена на блюде его голова.

Часть I – Семья

Потрясенный тем, что поведала шесть дней назад мать, Иоанн, смирившись с волей родителей, собирал вещи. Юноша готовился отправиться в Иерусалим к старому знакомому своего отца, священнику Аарону.

Похороны мамы Иоанн пережил достаточно спокойно. Он и сам удивился тому, как просто отнесся к смерти самого близкого человека. Возможно, повлияло то, что Елизавета смогла подготовить его к своему уходу, а может, он выстоял благодаря поддержке Аарона. Так или иначе, за последние дни парень значительно повзрослел и стал относиться к жизни более вдумчиво.

Еще недавно Иоанн был простым подростком из Хеврона, города южнее священного Иерусалима на сто семьдесят стадий². Юноша любил проводить время со своим лучшим другом Матфеем, сыном левита с соседней улицы. С ним они часами могли пропадать на холме у старого фисташкового дерева, где собиралась местная молодежь. Оба были увлечены Египтом и Грецией и могли долго держать внимание собравшихся историями о них. Несколько переведенных пергаментов осталось в доме от отца Иоанна Захарии, другие же дорисовывало их воображение и обрывки рассказов купцов, которые шли с караванами из Египта в Сирию. Время от времени мальчишки со своим соседом стариком Авдием ходили скупать шерсть, которую купцы собирали в дороге с линяющих верблюдов, там Иоанн заодно практиковал и свой греческий. Кроме того, парень раз в неделю помогал Авдию продавать на рынке инжир и финики – из уважения к умершему пять лет назад отцу Иоанна сосед Авдий предложил мальчику подрабатывать у него. Мать была не против, даже рада – ведь до болезни, приковавшей Елизавету к постели, она, хоть и была в преклонных годах, держала хозяйство в идеальном порядке. Будучи женой священника, Елизавета привыкла вызывать к себе уважение, однако прошли те времена, когда семья имела прислугу. Уже давно Елизавета с Захарией решили жить в скромности и простоте пред Богом, несмотря на то, что происходили из рода Ааронова и принадлежали к знатным саддукеям³. Может быть, поэтому Елизавета и не видела ничего зазорного в том, что юный Иоанн трудится. Иногда парня звал на помощь и один из местных торговцев рыбы, Оким. И хотя Иоанну не по душе было разделять рыбу, он обожал лакомиться ею, а Оким неизменно благодарил за помощь парой живцов.

Возможно, все бы так и продолжалось, однако разговор с матерью изменил жизнь молодого человека бесповоротно.

² Единица измерения расстояний в древних системах мер многих народов, равная примерно 190 метрам.

³ Саддукеи – религиозно-политическое направление в иудаизме. Потомки Аарона, сосредоточившие в своих руках одновременно духовную, административную и светскую власть над народом. Благодаря доходам от религиозных налогов, саддукеи составляли не только родовую, но и денежную аристократию в Иудее. Отличались своим богатством и роскошным образом жизни. Обладая властью, вынуждены были иметь дело с иноземными элементами, отчего попадали под влияние культур Рима и Греции. От фарисеев и ессеев их отличало признание абсолютной свободной воли человека, отрицание бессмертия души и воскресения мертвых, отрицание ангелов и духов. Саддукеи утверждали, что Бог не имеет никакого влияния на человеческие деяния. Человек сам является ответственным за своё благополучие, равно как и за своё несчастье.

Покидая родной Хеврон

– А посуду-то зачем? – спросил Аарон Иоанна, – заполняющего телегу вещами.

– А разве не стоит?

– Что ты, возьми только самое необходимое – у нас с Бейлой в хозяйстве есть все. А это что? – священник указал на деревянное ведро, накрытое женским потрепанным платком.

– Да там это... сандалии старые да ремни.

– Не стоит, оставь это! А тут что за мешок? – Аарон старался быть вежлив и деликатен с парнем, но в интонации то и дело проскальзывало давно уже позабытое Иоанном давление. После смерти отца юноша даже успел соскучиться по такому тону – Авдий-то был добрейшим стариком и никогда не позволял строгости, а Оким, если что шло не так, все шутил.

– Шкуры там... мама собирала, – последними словами Иоанн вмиг придал этим шкурам ощутимой ценности – ведь даже если бы это было что-то абсолютно ненужное, после такой ноты, Аарон просто не посмел бы отказать.

– Ладно, возьмем. Пергаменты непременно бери. Да и инструменты садовые, я заметил в сарае. Из вещей много не нужно, в Иерусалиме все есть. А это? – спросил он про сумку из верблюжьей кожи.

– Тут вещи отца, это я точно возьму.

– Хорошо. Что вы с этим Авдием решили?

– Он хотел, чтобы я продал ему дом – старший сын уже обзавелся первенцем и хочет жить отдельно. Но я решил повременить пока.

– Правильно, успеешь, если что.

– Вещи я уберу в чулан, а что надо – оставлю. В общем, я им разрешил пользоваться домом. За три месяца Авдий уже заплатил, сказал, что на Шавуот⁴ будет в Иерусалиме и добавит еще.

– Может, ты ему и утварь какую продашь? Тебе пока без пользы.

– Посмотрим, вечером они с сыном зайдут.

Несмотря на внешнее спокойствие, Иоанн безусловно чувствовал боль от утраты матери. В душе была грусть, и каждая вещь наполняла его эмоциями, а в памяти одно за другим всплывали воспоминания. Аарон же, понимал, что чем быстрее Иоанн покинет родительский дом, тем быстрее его сердце обретет покой.

С вечера погрузив вещи в телегу, утром третьего дня они отправились в столицу. Путь был не близким, однако Аарон почти всю дорогу молчал. Иоанну оставалось лишь глядеть по сторонам, что его совершенно не удручало – дорогу он любил. Опыта путешествий почти не было, но зато жажда новых впечатлений, несомненно, обитала в нем. Он слышал, что где-то есть плодородная земля с цветущими полями и с холмами, заросшими зелеными высокими деревьями. Мама не раз рассказывала о том, какая там мягкая и черная, как ночь, почва. На ней можно выращивать цветы, названия которых Иоанн почему-то не запомнил, зато знал, что звучат они прекрасно и пахнут божественно. Маме как-то привезли луковицу из Малой Азии, но цветок зацвел лишь однажды, а потом высох, и сейчас Иоанн ехал в тряской телеге, пытаясь вспомнить его название.

Вскоре перед ними открылись просторы каменной пустыни, окунавшие в чувство бесконечной свободы – вольности, которая манит. Шаровидные кусты пустынной галлеты, мозаикой раскинувшиеся до самого горизонта, несмотря на свое однообразие, возбуждали в сердце смелость и даже решимость, стремление прорываться сквозь них, бросая вызов самому горизонту в жажде познать его секреты. Справа, неподвижной каменной змеей врезаясь вдаль, тянулся

⁴ В иудаизме – праздник дарования евреям Торы на горе Синай при Исходе из Египта.

хребет возвышенностей, и казалось, ему нет конца. На запад уходила еще одна дорога, ведущая к гряде одиноко стоящих скалистых холмов, затушеванных до высоты в сто локтей темным, как грязь, песком и обросших кустами маквиса и гариги.

Вдоль пути пролегал устье практически высохшей реки, которая оживала лишь зимой, в период дождей. Теперь же водоем был лишен привлекательности и жизни. И лишь заросли прошлогоднего затхлого циперуса, гроздья свисающего то тут, то там, и десятки аистов, копошавшихся в речном иле, напоминали о том, чем было это протяженное углубление, не тронутое ссохшимися кустами. О том, что неподалеку была река, свидетельствовали и все чаще сновавшие по дороге рептилии, вынуждавшие скакунов насторожиться, а то и вовсе притормозить.

Через несколько часов пути, устав от гнетущего зноя, они остановились на привал у каменного колодца. Вдали виднелся растянутый четками караван верблюдов. Судя по следам, еще недавно караван останавливался на этом самом месте, – в каменных корытах еще не успела испариться, не допитая кораблями пустыни вода. Наполнив ведро, Аарон в первую очередь пригласил испить юношу. Кони, устав ждать, когда хозяин добавит свежей, бросились допивать нагрешуюся в кормушках воду.

Южная сторона колодца, неподалеку от огромной отшлифованной тысячами прикосновений глыбы, что служила трапезным столом для многих путников, была окружена ничем не привлекательными зарослями полыни. С противоположной стороны стояли три достаточных, чтобы служить источником необходимой тени, сикомора. Молодой Иоанн издали приметил их свисающие воздушные корни и с нетерпением ожидал момента, когда сможет окунуться в их спасительную прохладу. Деревья стояли особняком, вдали от скал и возвышенностей ничем не защищенные от вольного ветра, который был завсегдаем этих бескрайних просторов. За долгие годы сикоморы и глубокий источник удовлетворили жажду сотен тысяч путников, наполнив их необходимыми силами, а главное – уверенностью, что они успешно доберутся до места своего назначения.

Перед тем как забраться в телегу после привала, Аарон набрал воды в мехи, продолжая молчать, как и на протяжении всего пути. Он словно боялся чем-то спугнуть юношу, с которым у него пока не сложилось понимания и открытости. Казалось, всю дорогу Аарон пребывал в том состоянии напряжения, в котором находится охотник, везущий домой пойманного живьем зверя, готового в любой момент сорваться и убежать; и все, чего хочет охотник, – как можно скорее добраться до своих владений – знакомых и безопасных. Иоанн только что пережил смерть матери, и никто не мог достоверно знать, что происходит сейчас в его юной природе, чем может обернуться то или иное слово. А вдруг парень сорвется и сбежит назад в родной, Хеврон?

Сам же Иоанн в эти мгновенья думал о том, как сотни лет назад молодой царь Давид так же приехал из Хеврона в маленькое селение на вершине холма, где он решил создать единую столицу всех колен Израилевых. Возможно, тогда он проезжал по этой же дороге, мимо тех же хребтов и лощин...

Телега Аарона приближалась к святому Иерусалиму. Об этом говорили маленькие деревушки, раскинувшиеся по обеим сторонам дороги, а также упорядоченно, словно римские когорты, тянущиеся ряды виноградников. На уступах холмов росли деревья – то ли смоковницы, то ли оливы, то ли яблони. Они были засажены террасами на искусственно вымощенных площадках, обнесенных стенами в четыре локтя высотой. Такие ступени позволяли местным земледельцам добиваться лучшего урожая даже на крутых каменистых холмах, на вершине и вовсе представавших монолитной скалой.

По мере приближения к великому городу, где он не раз бывал с родителями, юный Иоанн ощутил знакомое волнение. От одного взгляда на величественные крепостные стены, которыми был обнесен священный город, душу наполнили трепет и восхищение. Со всех сторон Иерусалим окружали высокие горы: с запада возвышался исполненный тайны Сион, Храмовая

гора защищала город с севера, Масленичная – с востока, а на юге растянулся хребет у долины Еннома, который они сейчас пересекали.

На одном из западных утесов Иоанн заметил двух пастушков с отарой овец, голов в сорок. Один из них, совсем малыш лет шести, стремительно оббегал отару, перепрыгивая через кусты фригана и покрикивая на изнуренных овечек. Все это явно забавляло его, а размахивание посохом превращало во всемогущего героя. Старший же мальчик, лет двенадцати, ступал медленно, отставая от отары, и пронзительно вглядывался в кресты вдоль дороги вниз. Его словно что-то тревожило или будило какие-то воспоминания, хотя картина была для него обыденной, повседневной.

Иоанна, также еще юного, смутили обнаженные и окровавленные тела мужчин, что висели на крестах. Он тут же вспомнил, как маленьким проходил с матерью по этой самой дороге. Она тогда сидела на ишаке, как большинство пожилых женщин в их караване из Хеврона, а он шагал рядом, испытывая дрожь от приближения к столице. Тогда он спросил у мамы:

– Почему они голые?

На что получил ответ:

– Чтобы им было стыдно перед всеми за их грехи.

– А что с их телами?

– Перед крестом они получают тридцать девять ударов плетью.

– Тридцать девять?

– Римлянам можно бить сорок, но один они обычно оставляют в знак милосердия.

Однако, в этот момент, не только кресты вызывали внутренний страх – боязнь неизвестности, уход от привычного. Это был даже не страх, скорее, робость предвкушения, отчасти даже приятная: ведь она предвещала новизну, приобретение опыта, о котором юноша давно мечтал.

После откровений матери Иоанн знал, что Бог придет в его жизнь. И вот, глядя на помпезные строения Иерусалима, он вдруг почувствовал, что совсем не безразличен Всевышнему, тот явно наблюдает за ним. Иоанн ощутил некий загадочный взгляд с Небес, словно кто-то там имеет на него определенные планы и ожидания. Жизнь перестала быть скучной. Она наполнилась тайной. Сладкой тайной, которую молодой человек жаждал постичь.

При въезде в южные ворота города, Иоанн еще глубже ощутил в себе взрослость. В последнее время он вообще стал часто испытывать что-то впервые. А может, это детская беззаботность и защищенность сменялись пусть еще не осознанием долга и ответственностью, но уже легкой серьезностью.

Ощущение при въезде в город было непередаваемо. Монументальность Иерусалима перестала пугать, и даже появилась благодарность за то, что Господь привел его сюда. В сердце проступили ростки мечты о покорении Израиля, и мысли о временах царя Давида.

– В будущем город ждут перемены, – смело подумал он. И в центре этих перемен он видел себя. Внутри вдруг появилась безмятежность. Грусть о потере мамы ушла. Все будто встало на свои места, и душа окунулась в мир и спокойствие.

Три года Иоанн не посещал этих мест. Последний раз он был здесь с Матфеем и его отцом, когда мать уже ослабла. Теперь же все воспринималось по-новому. Вокруг виделись возможности. В воздухе витала интрига. Да и город не был переполнен паломниками, как в дни праздника. Впервые Иоанн увидел улицы Иерусалима такими спокойными, отчего приближение к Храмовой горе было исполнено таинственности. И хоть неподалеку от города они сделали привал, чтобы лошади могли отдохнуть, теперь им было сложно тащить телегу в гору. Не помогли и большие каменные блоки, которыми была вымощена дорога внутри стен города. Копыта то и дело скользили, колеса повозки проворачивались назад, отчего священнику и юноше пришлось слезть с нагруженной телеги и даже подсоблять лошадям.

Вдоль дороги имелись дренажные канавы, что не позволяло скапливаться дождевой воде. Но по ним же текли и всякие отходы, наполняя воздух вонью. А выше по улице зловоние нечистот смешивалось с духом людской толпы и запахами рынка. Пряности. Специи. Рыбные лавки. Ладан, орехи, диковинные вещи и сувениры из Египта, Сирии и даже Греции. А люди-то! Люди! Самые разные, и одеты бог знает как, и разговаривают на всех языках сразу, галдят, кричат, торгуются! В Хевроне редко увидишь народ в таких цветных одеждах, а тут каких только не было: гранатовые, пурпурные, даже цвета моллюсков, да еще и разноцветными нитями расшитые!

– Это явно город богачей, – подумал Иоанн, – и я должен найти себя здесь, должен стать своим.

Вокруг Храма толпились паломники и сотни рабочих, которые обрабатывали камни прямо у подножья горы. И хоть большинство из них были рабами, работали многие с завидным мастерством и даже увлеченностью, будто и не невольники.

– Ох уж эти бараны, – наконец раскрыл рот Аарон, глядя, как двое мужчин впереди мучились с упрямым животным, волоча его, по всей видимости, в Храм для приношения. И добавил, направляя повозку по другой улице:

– Ничего, так даже лучше.

А Иоанну так еще хотелось побыть в районе рынка, понаблюдать за торговцами и артистами, что плясали на площади. Однако они продвинулись вглубь переулков. В какой-то момент дома перестали быть однообразными почти квадратными монолитными блоками, лишь слегка отличавшимися расположением и размером окон, и они оказались в более богатом районе.

Вскоре путники подъехали к резным деревянным воротам. Дом не выглядел слишком богато, но все же отличался от большинства домов, что не имели внутреннего двора за оградой. «Место, где мне предстоит прожить следующие несколько лет» – мелькнуло в голове Иоанна. Первое, что открылось за воротами, был небольшой, но уютный двор, ухоженный и украшенный цветами, увитый виноградом. Две колонны у арочного крыльца намекали, что в доме живут родовитые люди. Слева был загон для лошадей, рядом лавка с навесом, возле которой росли два гранатовых дерева, и стоял прекрасный дубовый стол с ножками в виде львов. У дерева сидела девушка и мыла посуду в каменном корыте. Справа от дома был еще один домик, видимо, использовавшийся как сарай, и небольшой сад с фруктовыми деревьями.

Увидев повозку, девушка закричала:

– Мама, они приехали! – она было хотела броситься к отцу и обнять, но остановилась в смущении, будто не зная, как себя вести.

Из дома вышла женщина в сером хитоне и платке такого же цвета. Уверенность – первое, что бросилось в глаза. Пухлые щеки плавно переходили в шею, оставляя лишь неглубокую складку под подбородком, кожа была гладкой, и лишь немногочисленные морщины у добрых и в то же время каких-то едких глаз говорили о ее немолодом веке. Такие же пухлые ладони, которые она усердно вытирала слегка почерневшей от смога тряпкой, блестели от масла и источали аромат ливанских специй.

– Добрались, мои родные! – громко сказала она и поспешила обнять Иоанна. – Мой бедный мальчик! Как ты себя чувствуешь? Бедняжка, мы позаботимся о тебе, не переживай. Я тетя Бейла, – она говорила искренно, однако юноша чувствовал некоторое смущение – видимо, в голове у нее вертелся одновременно хоровод разных мыслей. – Ты голоден, наверное? Аарон, отведи лошадей! Ты привез фисташек из Хеврона? Наверное, опять забыл. Ладно. Илана, иди сюда! – тараторила женщина, явно привыкшая верховодить в семье.

Иоанн был слишком молод, чтобы сразу разобраться, как себя вести. Он то смотрел на дядю Аарона, то на тетю Бейлу. Священник был спокоен и молчалив. Он улыбнулся парню и, отстегнув лошадей, повел их в хлев. Девушка подошла ближе.

– Это моя дочь Илана, – сообщила тетя Бейла. Иоанн сразу вспомнил, как мама, уговаривая его отправиться к Аарону после ее смерти, рассказывала, что у него три дочери и нет сына, поэтому он с легкостью и согласился принять юношу и обещал позаботиться о нем.

Помнится, мама сказала, что дочек три, вспоминал Иоанн, и старшая уже замужем. Назвала по имени она только среднюю. Как же ее?.. Элла? Эмма? Да, вроде Эмма. Мама еще говорила, чтобы я обратил на нее внимание, хоть она и своенравна. Значит, это младшая.

– Помой руки и помоги гостю умыться с дороги, – обратилась Бейла к дочери и, уходя на крыльцо и продолжая обтирать промасленные руки, добавила: – Веди его в дом потом. А ты, Аарон, носи вещи мальчика!

Девушка взглянула в лицо Иоанну и, захихикав, тут же отвернулась.

– Идем, – кратко позвала она.

Илану нельзя было назвать симпатичной. Нос с горбинкой, да еще и кривоватый, портил лицо худощавой девочки, да и замашки у нее были мальчишеские, никакой женственности. Если бы не платок, покрывающий ее маленькую головку на тонкой, словно виноградная лоза, шее, и не скажешь, что это девушка. В ее возрасте любая особа, знающая, что в гости прибудет молодой парень, оделась бы поприличнее, дабы произвести впечатление, однако Илане, казалось, все равно, что подумает о ней юноша. Зато и вела она себя без робости, уверенно, похозяйски. Иоанн же, умываясь, не решился что-либо сказать, чувствовал себя скованно и стеснительно. Илана хоть и была более раскрепощена в движениях, тоже предпочла молчать, ограничившись простыми «давай» и «держи».

Иоанн с любопытством наблюдал за новой для него семьей. Интересно было подмечать, кто какие роли играет, у кого какие рамки и насколько они гибки. В ближайшие годы его жизнь будет связана с этими людьми, с теми традициями что живут в этом доме десятилетиями. И он пытался понять, нет ли здесь чего-то, что ему было бы сложно принять, или от чего ему пришлось бы отказаться ради пребывания в этом месте.

Войдя в столовую и видя суету тети Бейлы, Иоанн понял, что она ожидала мужа с гостем позже и была еще не готова, поэтому переживала. Уставший хозяин дома вошел и прилег у стола. Скамьи были покрыты шкурами. На полу красовалась мозаика с изображением оленя и птиц. Подобные юноша видал лишь в синагогах. Большая ваза в египетском стиле с яркими волнами-треугольниками была заполнена живыми лилиями, видимо, из дворового сада, отчего комнату наполнял приятный аромат свежих цветов.

– Проходи, – пригласил Аарон, – отдыхай.

Иоанну, привыкшему есть на полу, пришлось прилечь на скамейку.

Аарон был изнурен дорогой и немногословен. Он продолжал молчать, как и в дороге, лишь поглаживая кудри своей пока еще черной бороды. Вошла Илана и поставила на стол графин с сикером рядом с виноградом, что уже был там.

Из-за стены послышался голос тети Бейлы:

– Подождите немного, лепешки скоро будут.

Аарон вяло привстал и наполнил чашки напитком.

– Угощайся, – сказал он и прилег обратно.

Иоанн неловко пригубил. Чувствовалась скованность. Дом казался непривычно богатым, атмосфера – сухой. В Хевроне все было как-то проще, роднее.

Священник продолжал молчать, видимо, ожидая, когда все соберутся за столом.

– Вот, – сказала его супруга, внося вкусно пахнущее блюдо, – сегодня у нас чечевица с баранинкой.

– Илана, проверь хлеб! – неожиданно громко для Иоанна крикнула она. – Если готов, носи!

Хозяйка дома казалась громкой и прямой, Иоанн даже стал слегка побаиваться ее строгости. В руках у нее все кипело и летало. Мама была другой. Он вообще до сих пор не особо

часто оказывался в мире женщин. В школе с мальчишками, игры – с мальчишками. Нет, совсем не было опыта, это был совершенно скрытый от него мир, отсюда и волнение.

Все уселись, и Аарон, благословив пищу, первым надломил пшеничную лепешку.

– Вообще-то я ждал рыбы, – сказал он с сарказмом, макая хлеб в чечевицу, – но, наверное, барашек так громко бекал, что вы решили избавиться от него.

– Ну вот, – обиженно протянула жена, – опять ты... Садок принес из Храма, что ж ему – пропадать?

– Ладно, ладно...

Илана заулыбалась, переглянувшись с отцом. Казалось, между ними были особые чувства.

– А где Эмма?

– Ты знаешь, где. Уже вторые сутки сидит у Агиль. Не удивлюсь, если и в эту ночь останется.

– Иоанн, – сказал священник, – я тебе уже говорил, как мы с твоим отцом любили и уважали друг друга. Мы с тетей Бейлой решили позаботиться о тебе, открыв для тебя этот дом. Елизавета сказала, что и Захария желал этого. Ты был им очень дорог. Не знаю, каким ты станешь, но мой долг – опекать тебя.

– Спасибо вам, – очень тихо ответил Иоанн. Илана из уважения даже перестала жевать. Казалось, что, несмотря на юность, она очень тонко чувствует атмосферу.

– Пока разместишься в моей библиотеке, а позже мы вместе приберемся в домике во дворе, – там уже долго никто не жил, – перейдешь туда.

– Хорошо, – так же тихо согласился парень.

– Мы подумали, что завтра тебе не мешало бы расслабиться и набраться впечатлений. Поэтому сходишь в город с Эммой.

– Если она вернется, – добавила хозяйка с полным ртом.

– Ну, не вернется, так пойдешь с Иланой.

Девушка удивленно посмотрела на отца.

– Сама?

– Брось, дочка. Я знаю, как ты любишь такие вещи. Она у нас любитель истории, – объяснил Аарон, глядя на Иоанна.

– Да ладно, – засмушалась девочка.

– Ты бывал в Храме? – спросила тетя Бейла.

– Да, несколько раз, последний – три года назад на Йом-Кипур⁵.

– Ну, с тех пор многое изменилось. На Храмовой горе полно строителей. Ты и не узнаешь. Под южной галереей такую мозаику выложили, что римляне и эллины завидуют. Даже священники обучались в каменщиков. Каждый камень там свят. Уверена, тебе понравится.

– Мам, то было при Ироде, – не удержалась Илана и поправила мать: – Уже не обучаются.

– Что ты знаешь, – ворчливо сказала женщина, – до сих пор...

– Сходите к дворцу, – перебил жену Аарон, глядя на Илану.

– Хасманейскому?

– Нет. Ирода.

– Хорошо, папа.

После позднего обеда Иоанна отвели в библиотеку Аарона, предложив отдохнуть с дороги. Он прилег, но спать не хотелось. Юноша был переполнен впечатлениями. Вокруг были свитки, какие-то – на греческом. В доме отца библиотека была маленькой, в основном отрывки «Пятикнижия» Моисея. А тут... Парень был восхищен. На кувшинах, в которых хранились свитки, были пометки: «Соломон», «Иеремия», «Иов» ... десятки книг, и не надо идти

⁵ В иудаизме самый важный из праздников, день поста, покаяния и отпущения грехов.

в синагогу! А возле каменного, до блеска отесанного стола с углублениями для чернил и тростниковых палочек красовался роскошный плетеный стул, на котором так хотелось посидеть! Оба оконных проема в комнате были просторными, приглашающими свет загостить в этих стенах, отчего на душе Иоанна также стало светло.

– Сам Бог заботится обо мне, – подумал юноша, – это лучшее место, куда я мог бы попасть.

Сердце наполнили покой и безмерная радость.

Первая любовь

Утро было прекрасным. Иоанн, ощущавший душевный подъем от новых впечатлений, к которому, однако, примешивалась и легкая тревога от той же новизны, вышел во двор. Он был настолько исполнен энергии, что непроизвольно сжимал и разжимал ладони в кулак. Тело было как натянутая тетива, но это не доставляло дискомфорта, напротив, он чувствовал прилив сил.

Воздух был еще прохладным и своей свежестью приятно радовал кожу. Вдобавок в его свежесть вплетался тонкий запах нежно-розовых лилий, что придавали внутреннему двору ощущение не то чтобы уюта, а даже оттенок некой торжественности посреди покоя. Почуяв тепло с востока, цветы рады были обнажить свою прелесть, одновременно крича ароматом на всю округу. Шмель, облаченный ласковым пушком, заморожено парил над живыми вазонами, напивая им свои жужливые сонаты.

Два пестрых жаворонка неожиданно выскочили из-под тени гранатового дерева и, резвясь в воздухе, проскользнули сквозь каменную арку над воротами, запертыми изнутри небольшим металлическим крюком толщиной с виноградную плеть.

В тот же миг на ту же самую каменную арку приземлился сизый голубь, который, выбравшись из своего укрытия, гнался за лучами лениво поднимающегося светила, по которому он успел соскучиться за ночь. И вот, обласканный ими, он набрал воздух и так выпятил грудь, что разместил на ней голову, как на перине.

Женщины уже были на ногах, и вскоре настало время завтрака, после которого Иоанн с Иланой отправились на прогулку. В дорогу тетя Бейла дала им с собой воды и фиников. Дабы освежить дыхание, Иоанн, ожидая во дворе девушку, с которой ему предстояло провести целый день, жевал сорванные в саду фисташковые листья.

Илана вышла из дома в белой тунике с рукавами по локоть, поверх нее была надета еще одна безрукавная туника гранатового цвета с белым поясом на талии, а на груди висел узелок с миррой. На ногах сандалии из резной кожи с узорами, а на руке – серебряный браслет с греческим орнаментом – меандром. Иоанн растерялся – даже стало стыдно за свои простые одежды при виде такого наряда.

– Ну, пошли, – улыбаясь на его смущение, позвала девушка и направилась к воротам.

Иоанн расценил это как вызов и, не желая быть униженным, начал думать о реванше – он собрался поразить ее своими знаниями, которыми так гордился.

Пройдя по узким улочкам, они очутились у купальни, где толпилось много людей.

– Народ верит, что эти воды целебны, поэтому многие приводят сюда больных и ждут, когда вода забурлит, – сказала Илана с легкой иронией.

– А что, это не так? – озадаченно спросил Иоанн и тут же понял, что сглупил, поскольку, девушка ответила, лишь скривив лицо, выражение которого молчаливо сказало: «Ну ты и наивен!».

Когда они вышли на базарную площадь, к ним приблизился мужчина в болотной куфии, поддерживаемой эгалем, и начал навязывать глиняные свистки. Он, то и дело, свистел в один из них, а другой пихал Иоанну; типа держи, попробуй сам.

– Не надо! – грубовато отмахнулась Илана, потянув Иоанна за руку. Что-то в его мозгу будто щелкнуло – впервые в жизни молодая девушка прикоснулась к нему. Кровь прилила к голове, лицо покраснело, и сердце автоматически зафиксировало этот момент в памяти.

– Не обращай внимания на зазывал! Их тут море, ведь паломники постоянно приходят в город. Они всегда будут навязывать свои товары, поэтому учись вести себя как местный.

Ладно, привыкнешь. Только сейчас не глазей, не позорь меня! – и девушка, задрав голову, важно пошла вперед.

Иоанн был поражен прямолинейностью Иланы – никогда еще девушки не говорили с ним так дерзко. «Ладно, – подумал он про себя, – что есть, то есть – я и правда здесь гость».

– Если честно, то я устала от них, – заявила вдруг Илана

– От кого? – спросил, очнувшись от своих мыслей, Иоанн.

– От паломников! От кого же еще? Город так спокоен и красив без них, но в праздники – это просто ужас. Их тысячи и тысячи. Мусор. Шум. Устаешь. Воды не найти. А у резервуаров иногда часами ждешь в очереди.

Вскоре они вышли на маленькую площадь с фонтаном в виде трех рыб, соединенных между собой плавниками и имеющими почему-то один хвост на троих.

– Вот он, – кивком указала Илана на огромное строение, – то, ради чего все идут сюда.

Перед ними открылась западная стена Храмовой горы. Но за невероятно высокими стенами был виден лишь столп дыма, поднимающийся в небо от жертвенника.

– Если честно, то я бы хотела переехать на окраину города. Наш дом слишком близко к рынку и Храму... Но не мне решать, – с грустью промолвила она.

– Сегодня я не хотела бы идти внутрь. Все равно в Шаббат ходим. Давай лучше поднимемся вон на ту башню и оттуда посмотрим на город.

Иоанну оставалось лишь согласиться и последовать за самоуверенной дочкой священника.

Пройдя около двух стадий на юго-запад, они поднялись на башню в сорок локтей высотой. Лестница была крута, и запыхавшийся Иоанн едва поспевал за своей проводницей.

С высоты вид был куда красивей, чем внизу. Вдалеке виднелись тысячи людей, работающих с камнями. Краны, канаты, суэта. Но больше всего завораживали здания. От Храма исходил мистический дух, дыхание перехватывало от величия столь масштабной конструкции. Издалека Храм выглядел еще более монументальным, чем вблизи, когда ты окружен толпой. Казалось, на всем белом свете нет ничего более потрясающего и прекрасного. К северному крылу горы прилегала крепость Антония с ее четырьмя башнями и смотровыми площадками. Илана, видя, что внимание ее спутника приковано к крепости, пояснила:

– Антонию Ирод построил для себя, одновременно с Храмом, – это был его протест против того, что сам он не мог войти в Храм, который возвел, он ведь не был иудеем.

– Протест? – удивился Иоанн.

– Может быть, но его можно понять. Он не хотел, чтобы его авторитет подавлялся священниками.

– Слышал, он был не особо набожным?

– О, это да, – легко согласилась девушка, вертя головой, – Храм-то он начал строить не из-за набожности, в принципе, как и все языческие храмы.

– Оно-то и ясно. Он же половину синедриона⁶ за ночь перерезал, только бы уничтожить власть священства, – добавил Иоанн, однако Илана, ценящая заслуги Ирода, и желая уйти от неудобной темы, указала на север:

– Еще красивый вид вон с того холма, но мы туда сегодня не пойдем. А еще за верхним городом, вон там, к востоку, – Елеонская гора. С нее хорошо виден город. Так что как будет возможность, прогуляйся, не пожалеешь.

– Хорошо, конечно.

Девушка присела на каменную скамейку.

– Значит, ты из Хеврона?

⁶ Здесь имеется в виду Великий Синедрион в Иерусалиме – высшее государственное учреждение и высший судебный институт иудеев, состоявший из 71 члена, во главе с первосвященником.

– Да.

– Расскажи, какой он.

– А ты вообще бывала за пределами Иерусалима? – не то чтобы это было ему интересно, скорее, он решил осадить самоуверенную девушку своим вопросом. Пусть она из Иерусалима, но и он не из деревни. К тому же он как-никак мужчина. Чувство досады от того, что девушка годом младше поучала его, готово было вылиться в детскую обиду.

– Да, но недалеко, – ничуть не стесняясь этого, живо ответила Илана. – Ты ведь из Хеврона и наверняка видел Иродион⁷, вот и я там бывала. Увидела и поразилась, как человек способен это сотворить. Люди ведь сами гору создали! А со стороны и не скажешь. Думаешь – природа, а вот и нет! Не знаю, что там египтяне понастроили, но Иродион не хуже. А вообще, я часто мечтаю о путешествиях. Мне очень нравится наблюдать за караванами. Купцы приезжают с товаром, заходят на рынок... Я им всегда завидовала. Вот подрасту и обязательно поеду в Египет!

– Ну ты даешь! – ухмыльнулся Иоанн.

– А что? Я и в Грецию поплыть хочу. И вообще, я люблю море!

– Ты же не видела его никогда!

– Ну и что? Мне Ровоам – муж Агиль рассказывал. У него дядя – морской купец, и он брал его с собой в Грецию. Ровоам говорил о греческих банях и о римских дворцах, об их искусстве и архитектуре. Я с тех пор по вечерам мечтаю, как мы с будущим мужем садимся на корабль и плывем с ним по морю в Грецию, и гуляем там, и гуляем... – девушка мечтательно взглянула в небо, на котором в этот день не было ни единого облака.

– Я знаю, что найду такого и смогу сделать его счастливым... – Девушка взялась за края платка, которым была покрыта голова. – Счастье ведь в том, чтобы найти человека, для которого постоянно хотелось бы что-то сделать, о котором бесконечно хотелось заботиться, так ведь? Главное – чтобы искренность была, верно? Я слышала, что даже Бог бессилен там, где нет полной искренности.

Иоанн совершенно не понимал, о чем она, а последние слова показались ему просто какой-то тарабарщиной, отчего он смутился и ощутил неловкость.

– А ты слышал, какая у них канализация? А медицина?

– Конечно, – живо ответил Иоанн, – я вообще раньше увлекался греческой культурой. Много греческих врачей и ученых переехали в Рим, чтобы обучать их там медицине.

– Хорошо, что римляне пришли сюда, да? – перебила его Илана. – Ведь мы у них можем многому научиться.

– Нет, это плохо, Илана! – пылко возразил Иоанн. – Они язычники и верят во всякий вздор. Илия показал, насколько наш Бог сильнее языческих. Это они у нас должны учиться!

– Глупый ты еще, Иоанн!

– Что?

– Да ничего! Не обижайся, но всегда есть чему поучиться у других, а римляне точно не глупее нас.

– Мы пострадали, поэтому слабы, но погоди, укрепим – и выкажем им!

Илана засмеялась:

– Что? Что ты им выкажешь? Ты говоришь, как заклятый фарисей⁸. Что плохого в том, что цивилизация развивается? Ты только посмотри, что сделал Ирод для Палестины! Заставил

⁷ Древняя крепость на насыпной горе, похожей на вулкан. Одна из знаменитых построек Ирода Великого и предположительное место его захоронения.

⁸ Фарисейское движение сформировалось в борьбе против контролировавших храмовый ритуал саддукеев. В противоположность аристократам саддукеям, фарисеи были весьма популярны в народе, и их влияние на массы было очень велико. Помимо писаного закона Моисея, признавали также и «устный закон» – народные обычаи и постановления законоучителей. Стремилась строго охранять иудаизм от влияния персизма и эллинизма.

уважать нас, выстроил один из самых красивых городов мира – одна гавань в Кесарии чего стоит! Говорят, люди плывут через море, чтобы увидеть ее. Я очень хочу увидеть Кесарию и Сепфорис Галилейский. Жаль только, что Ирод бани не построил, как в Риме.

– Он не иудей! – отреагировал Иоанн. – Душа у римлян грязная, Илана, ни в какой бане не отмоешь!

– А Бог разве только душу нам дал? – возмутилась девушка. – Ведь тело тоже нам дано Богом, и о нем мы также должны заботиться.

– Но Богу это не нужно!

– Откуда ты знаешь, глупыш?! Как быть счастливым и чувствовать Бога, если ты умираешь от болезни или от жажды?! Мы должны учиться и искать, как придумать комфорт для тела – оно просит этого!

– Не смей меня так называть!!!

– Ладно, прости. Просто я чувствую любовь Бога, когда, например, принимаю ванну, когда Эмма делает мне массаж. Тело расслабляется и радуется.

От этой темы Иоанн совсем смутился и даже покраснел.

– Ты вообще знаешь, как выглядят римские термы? Говорят, что они публичные и любой может приходить туда. Ты представляешь, что они значат для бедняков, которые живут непонятно где, то на чердаках, то в подвалах без свежего воздуха и света? Что может быть важнее для них? Причем это не просто место для купания, люди там читают, делают массаж, знакомятся, общаются. Ты только представь, если бы такая баня появилась в Иерусалиме! Люди отдыхали бы там и душевно, и физически и уходили бы полные сил. По мне, так лучше бы несколько бань отстроили, чем столько денег в эту святыню вкладывать.

– Как ты смеешь, Илана?! Твой отец – коэн⁹!

– Вот поэтому и смею! Знаю как они доходы от Храма используют.

– Богу надо служить, а не телу! – настаивал на своем Иоанн. При этом нельзя сказать, чтобы в глубине души он был совсем уж не согласен с Иланой, нет, но поддаваться не желал, будто сам обязал себя во всем противостоять ей и со всем спорить.

– Хмм, – с сарказмом ухмыльнулась она, – и как же делать это, если не заботиться о здоровье тела? Как ты будешь служить Богу, если твое тело будет слабым?

– Если душа сильна, то и тело будет сильным! Оно должно следовать за душой, а не навязывать свои нужды. Тело лишь о себе и думает, а душа – она всегда мыслит о других, о том, как Богу служить, как людям помогать!

– А мне все равно нравятся сильные римские солдаты, – неожиданно заявила дочь священника. – Ты посмотри на их торсы! У них все такие, не то что наши!

– Да как ты вообще смеешь, Илана?! Как тебя сердце не осуждает за такие глупости?!

– Ладно, тебя не переспоришь. Но все равно ты совсем глупыш еще, – и она, хохоча, помчалась по ступенькам вниз и уже оттуда закричала: – Идем к дворцу Ирода!

Спустившись вниз, Иоанн увидел, как она, подбежав к фонтану, плеснула воду вверх и резко закружилась, вытянув руки. Поведение Иланы насторожило юношу. Как ему казалось, вела она себя чрезмерно вольно, даже опасно вольно, до того раскованны были ее движения, а вместе с ними независимы и суждения. Свобода, что по природе своей свойственна лишь детям, удивительно совмещалась в Илане с ее острым умом и немалыми знаниями. Невероятное сочетание инфантильности и мудрости. И, что главное, – никаких предрассудков. Обычных, ничем не выдающихся людей жизнь с каждым днем все больше и больше засасывает в пучину суеверий и предубеждений, разум их утопает в страхах, и мысли о свободе быть собой пугают больше всего. Ей же страхи были совершенно чужды, они словно обходили ее стороной,

⁹ Сословие священнослужителей в иудаизме, состоящее из потомков рода Аарона.

побежденные ее стремлением к независимости и отвагой, с которой Илана об этом заявляла всем своим существом.

– Идем! – снова позвала она и, пританцовывая, направилась в сторону дворца.

Иоанн был обескуражен. Он не знал, как объяснить происходящее. В его представлении образ женщины сводился к домохозяйке, беспокоящейся лишь о быте. А тут мыслящее создание, такое юное, но уже мечтающее о том, о чем он никогда и не смел и думать. Никогда раньше он не имел дело с девушками, а тут сразу – такая... Удивительно.

Вскоре они приблизились к дворцу. При одном взгляде на изумительные здания со сторожевыми башнями Иоанна охватила гордость за свой народ, который некогда пришел на эти земли из Египта. Вспомнились времена единого царства, внутри всколыхнулись неясные мечты о возвращении былой славы. Однако юноша со стыдом признавал, что совсем еще мало разбирается в политике и истории своей родины.

Ограждения крепости украшали восемь симметричных четырехгранных башен, возвышающихся над основным массивом строения. Подобно стенам, по периметру они имели оборонительные зубцы. По видению Ирода, над стенами цитадели с северной стороны зодчий возвысил три башни. Первая, самая высокая, называлась Фасаэль, в честь родного брата Ирода. В ней находились шикарнейшие бани и покои, достойные самых почетных гостей. Вторая, Хипикус, названная в честь друга грозного царя, служила хранилищем для воды, а третья, с полукруглым куполом и украшенной колоннами смотровой площадкой, называлась Мариамна, в честь любимой жены основателя.

Очень красивы были оконные проёмы, которые необыкновенно отделаны намеренно разнообразными наличниками. Они были даже на тех фасадах, где виднелись слепые ниши, имитирующие оконные проемы. Каких наличников тут только не было: прямоугольные, стрельчатые, круглые, полуциркульные. Это вызывало неожиданные ассоциации и заставляло уважать зодчего.

Под стенами цитадели росло с десятков пальм, а под ними были разбиты клумбы с диковинными цветами, видимо, привезенными с ливанского побережья.

Преодолев стеснение, Иоанн все же решился спросить у Иланы о том, что она знает о этнархе Архелая. Она ответила, что не разбирается в политике – ей это не интересно. – А ты что, любишь капаться в чинах? – спросила она насмешливо.

– Да так... Разве это не занятно?

– И что?

– Что – что?

– Ну что ты знаешь?

– Тебе же не интересно!

– А вот уже стало интересно, – заигрывая, бросила вызов Илана. – Так что, ты знаешь что-нибудь?

Иоанн насупился, боясь опозориться. Может, она лишь прикидывается несведущей, а на самом деле хочет проверить его, чтобы в очередной раз доказать свое превосходство?

– Знаю, что Архелай крови много пролил, когда народ восстал. Император отправил его в ссылку, а сюда прислал прокуратора, и в царском дворце стали хозяйничать римляне.

Больше Иоанн ничего не знал, но ему жутко хотелось узнать побольше о Ироде Великом: за какие мудрые дела народ его уважал, а за что ненавидел, узнать о его сыновьях и о том, как Рим лишил Архелая трона. Все это он решил как можно быстрее выведать у дяди Аарона – уж тот-то должен был знать.

– Ладно, не надо мне все это. Ты лучше о себе расскажи, – просила девушка, присаживаясь на каменную скамейку под фиговым деревом напротив дворца. Позади нее росли еще молодые кустарники махрового олеандра, буроватые ветвящиеся стебли которого были усыпаны мириадами ароматных цветков.

– Наверное, скучаешь по родителям?
– Конечно.
– Ты так рано остался один!
– Ну, они и родили меня уже немолодыми.
– Тебе не трудно говорить о них?
– Нет что ты? Я их люблю и горжусь ими.
– Папа рассказывал много о твоём отце. Говорил, что редко можно встретить такого сад-
дукея. А мама сказала, что твой отец очень любил свою жену. Ведь по закону мог бы развестись
с ней из-за того, что у них не было детей, но не сделал этого. Наверное, мудрая женщина была.
– Мне кажется, что наши отцы во многом похожи, – промолвил Иоанн.
– Да, я тоже так думаю.
– Смотрю, ты очень любишь отца?
– Я у него любимица, – Илана улыбнулась, – мне всегда было интересно проводить с ним
время.
– Наверное, он в тебе видит долгожданного сына.
– Наверное, – хмыкнула Илана.
– А с мамой у тебя не очень?
– Есть немного. Мама придирчива. Ее все раздражает, и все везде должно быть так, как
хочет она. Причем это похоже на одержимость. Она видит проблему во всем и везде, – вопрос
задел Илану за живое. Она говорила так, словно произносила эти фразы уже в сотый раз. –
Что бы ты ни делал и как бы ты это ни делал, это не важно. Похвала? Забудь. Если не сделаешь,
как привыкла она, ты враг. Если пытаешься делать что-то как она, она все равно найдет к чему
придраться и сожрет тебя. Только человек с чувством юмора, как папа, может выдержать ее.
У тебя, кстати, как вообще с этим? Потому что отец еще тот весельчак. Может, к тебе он пока...
сам понимаешь... Но будь готов.

Иоанн улыбнулся.

– Я вообще после смерти отца мало смеялся, но попав к вам в дом, возможно...
– Папа простой и добрый, увидишь. Их в семье было много, поэтому он знает, что такое
чувства другого, как важно понять и услышать.
– Да, мой был такой же.
– А вот мама... Ну, ты сам видел. Благо, отец мудрый, а то они друг друга загрызли бы
давно. Папа не раз говорил: подумай, как сложно изменить себя, и поймешь, как не просто
изменить другого. Как он мучился бедняга, а она все такая же.

Всех деталей в отношениях своих родителей Илана, конечно же, не знала. Однако осме-
ливалась судить и представлять, что ведает, какими мотивами те были движимы.

А ведь когда она родилась, Аарон, ожидавший сына, впервые взял ее на руки и так сильно
прижал к груди, что все присутствующие перепугались. Помимо его воли в нем, вместо бла-
годарности, что роды прошли успешно, всколыхнулись разочарование и злоба что не сын.
Придя же в себя, он резко отдал девочку повитухе и тут же вышел, так и не приласкав изму-
ченную от боли и мокрую от пота жену.

На следующий день он должен был удалиться на полторы недели в Есевон, по приказу
царя Ирода. И лишь прибыв туда, Аарон стал непомерно переживать за только родившуюся
дочь. Сестра жены, обещавшая прибыть из Эммауса, так и не пришла, Бейла осталась с тремя
детьми и с парой старых слуг, что достались им от родителей Бейлы. И хотя слуги были добры
и служили преданно, какая-то тревога овладела тогда Аароном.

Ирод в те годы был по-особому ярым и, только приехав из Антиохии, где затеял очеред-
ное строительство, созвал на прием делегацию из Галии и Фракии. Там же должен был при-
сутствовать и Аарон, в силу должности, что занимал во время строительства Храма. В Есевоне
священник проведал слух о том, что совсем недавно Ирод убил своих родных сыновей Алек-

сандра и Аристобула, повесив их в Самарии, которая тогда еще называлась Себастией. Впавший в оцепенение после таких известий и борющийся со своим эго, Аарон решил, несмотря на страх наказания, покинуть мероприятие и вернулся домой. А войдя в жилище, первым же делом в раскаянии бросился к малышке Илане и обнял ее так крепко, что слился с ней душой и поклялся любить эту девочку больше жизни, несмотря ни на что. О его рискованном поступке, к счастью, тогда никто не узнал.

Странным был этот еще юный в ту пору священник. Бейла была строгой и прямой с первых дней семейной жизни, уже тогда позволяла себе многое и порой даже проявляла неуважение к супругу. Однако то, что она приняла в муже за мягкотелость, было силой его. Он и желал порой сорваться на нее, переспорить, указать на глупость ее мысли и надменную гордость мнимой мудрости, а временами и руку поднять хотел, тем не менее, по лишь ему ведомым мотивам, уходящим корнями в его детство, не мог он себе этого позволить. Это можно было даже принять за некую внутреннюю договоренность с самим собой. И тут уже дело было совсем не в Бейле, чтобы она там себе ни думала, а именно в нем – в силе не ее, а его духа, в терпимости и кротости, в которые он намеренно и осознанно заковал себя сам. И только Бог ведал, что побудило этого человека к таким заветам.

Илана же, как девушка юная, могла лишь полагать, и по своей юности даже позволяла себе быть абсолютно убежденной в истинности своих суждений, в уверенности, что она полностью понимает суть родительских отношений. Однако во многом ошибалась.

В силу всех названных причин, Аарон был одиноким человеком, который часто грустил и уже давно смирился с тем, что у него нет настоящих друзей и никто, по сути, так и не сможет его никогда понять. Единственным человеком, с кем он позволял себе делиться сокровенными тайнами души, был отец Иоанна Захария. Их дружба сохранилась с тех пор, когда они оба были еще холосты и вместе получали образование. В ту пору они сблизились так, что позволяли обнажать сердца до мельчайших деталей. Позже эта дружба, сохранившись, проявлялась в полнейшем доверии друг к другу, но поскольку виделись они, живя в разных городах, редко – пару раз в год, то уже не окунались так глубоко в одинокие души друг друга. После смерти Захарии Аарон уже совсем смирился с тем, что так и отдаст Богу душу, оставшись непонятым никем. Хотя что тут удивительного, разве мало таких людей?

– А твоя мама как? – спросила Илана.

Иоанн вздохнул, тень грусти пробежала по его лицу.

– Моя была удивительным человеком. Конечно, скандалили иногда, но... она знала, что значит «отдавать», как ты говоришь. Сердце безграничное. Отец привык к шуму, визитерам. Для него было обычным делом прийти с гостем без предупреждения. Маму это раздражало. Она любила покой, тишину. Зато они сходились в том, что в доме должен быть порядок. Что часто раздражало меня – мне было абсолютно все равно, в каком состоянии комната.

– Ну, тут мы с тобой похожи, – сказала Илана таким голосом, что парень обескуражился. Ее взгляд, ее губы... Опьяняющие, как вино из погреба. Сердце скакнуло и запрыгало, дыхание участилось.

– Папа хоть и коэн, и все такое, но знаешь, он никогда не любил зажиточность. Дом, где ты будешь жить, вообще-то для слуг, но у нас их давно нет. Уже лет десять там просто кладовка для хлама и инструментов.

– Ага... – невольно кивнул Иоанн, не понимая даже, о чем говорила девушка. Он словно попал под гипноз, наблюдая за движением ее губ.

– Ну что, пойдём домой?

– Илана достала из сумки финики и протянула Иоанну.

– Жалко, что инжир еще не созрел, – добавила она, подняв голову к дереву.

Парень пришел в себя, но все еще был под впечатлением.

– В другой раз я покажу тебе амфитеатр за городом. Кстати, скоро приедут артисты из Александрии с представлением. Они уже были в Кесарии, говорят, префекту Грату¹⁰ понравилось. Обожаю артистов, хотя сам знаешь, что фарисеи думают – эллинизация¹¹ и все такое. По мне, так красиво.

Позже Иоанн познакомился и со средней дочерью Аарона – Эммой. Будучи на год старше Иоанна, она была мудрой и послушной, и намного красивее своей младшей сестры. С особой чуткостью Эмма слушалась во всем и желала порадовать мать, в противовес папиной дочке. Иоаннову другу, Матфею из Хеврона, понравилась бы Эмма – она была безусловно в его вкусе – но не во вкусе Иоанна: не прошло и двух дней, как он утонул в симпатии к Илане. Поначалу он был если и не шокирован, то сильно удивлен ее раскованностью и свободой. Да и внешность ее не казалась привлекательной. Но стоило ей заговорить с ним, как парень сразу попадал под власть ее голоса и обаяния.

Илана была любознательна, всегда всем интересовалась и многое знала. Душа ее была открыта и лишена предрассудков. Казалось, она плевала на все запреты. Не общаться с самаритянами? С чего бы? Не разглядывать радугу? Забудь! Иногда она даже выбегала за ворота дома с непокрытой головой. Некоторые предписания в законе казались ей странными, и порой она была готова бросить вызов самому Моисею, утверждая, что не мог Бог такого сказать пророку, что это глупо и несправедливо. Конечно, за такие выходки матери часто приходилось отчитывать ее, в ответ на что она еще больше протестовала. Девушка зачастую манипулировала окружающими, имитируя свою якобы слабость, но это выходило у нее так мило, что сразу располагало к ней людей. Но самым главным качеством Иланы было ее умение сопереживать. И даже не тон, которым она говорила, был важен, хотя говорила она с нежностью, дело было в ощущении, что тебя понимают. Его-то, вот этого самого ощущения, как правило, и не хватает всегда. А тут человек, да еще и женщина, да еще и совсем молоденькая, показывает и взглядом, и интонацией, и всем существом, что ей интересно выслушать тебя, и не просто услышать, а понять!

Иоанну нравилось подолгу беседовать с Иланой, поражаясь тому, как она умела слышать его. Не навязать что-то свое, не защитить свою идею и не просто проболтать, а, напротив, смирить свои заботы и спокойно и с искренним интересом выслушать то, что думаешь именно ты. И пусть после этого она непременно высказывала и страстно отстаивала свою точку зрения, – сказать, что она не услышала тебя, значило обмануться. Вот это и поражало!

Как же часто можно встретить такого человека? Иоанн невольно задавал себе этот вопрос и, поразмыслив, так и не сумел вспомнить ни одного знакомого, кто был так открыт его словам. Да ведь людей, способных на этакое, наверняка единицы во всем мире!

Может, парень и преувеличивал таланты Иланы, а может, другие чувства добавляли восхищения этой девочкой, но это уже было не важно – важно было то, что она смогла удивить его, как никто прежде, и это удивление навсегда запечатлелось в нем. Не прошло и месяца, как Иоанн понял, что влюблен в Илану.

¹⁰ Валерий Грат – в 15 году стал четвертым префектом провинции Иудея. Отличился частой сменой еврейских первосвященников, правивших всего по одному году.

¹¹ Широкое распространение греческого языка и культуры на территориях, вошедших в состав государств диадохов, которые образовались после смерти Александра Македонского на завоеванных им территориях, и взаимопроникновение греческой и восточных – в первую очередь персидской – культур.

Перерождение на Храмовой горе

Иоанн обживался и привыкал к жизни в столице. Переехав в домик для прислуги и организовав там все по своему вкусу, он утопал в Божьей любви. С разрешения Аарона, он мог свободно заходить к нему в библиотеку и брать оттуда книги для изучения. Священника радовало пристрастие юноши. Он верил, что благодаря книгам тот сможет легче пережить серьезные изменения в своей судьбе. При Храме коэну приходилось иметь дело с молодежью, и он знал, как ранима душа в таком возрасте, сколько опрометчивых поступков свойственно совершать юным. Аарон волновался за парня. Иоанн же был рад отеческому отношению.

Изучая Писания и другие книги, он стал переписывать полезные ему вещи – мечта о собственной библиотеке давно жила в нем. У себя в Хевроне он бережно хранил те несколько свитков, что остались от отца, и теперь страстно желал преумножить свое сокровище. В то же время душа прониклась Святым Духом, и юноша уже даже привык слышать внутренний голос, который остерегал его от искушений и вдохновлял на духовный рост. Благодаря ему парень не мог думать об одиночестве.

Наступил Шаббат, и утром, после омовения в микве¹², вся семья направилась в Храм. Иоанна бросило в дрожь, когда он приблизился к нему. Монументальное величие внешнего убранства, самой могущественной святыни того времени, взволновало парня до потери контроля над телом: когда он поднимался по ступеням арочного моста для священников, его ноги будто налились свинцом, и он с трудом мог их передвигать, голова раскалывалась.

– Хорошо, что папа – коэн, – весело сказала Илана, глядя, как толпы паломников и горожан теснятся у других ворот на гору. Они вместе вошли на Храмовую площадь и устремились под колоннадой по направлению к Антонии.

– Представляешь, – сказала Илана, обращаясь к Иоанну, который с трудом тащился позади, – Ирод создал большую часть этой горы искусственно. Под нами целый город с арками и лабиринтами, правда, папа?

– Правда, дочка, но давай не будем сейчас об этом, – ответил Аарон.

Строителей в субботу не было, но материалы и леса лежали кругом. Часть колонн уже была обработана и украшена прекрасным орнаментом, но большинство выглядело пока просто и незатейливо. Вдруг ближе к Храму под ногами появилась цветная мозаика, изображающая переход еврейского народа через Иордан с ковчегом завета. Впереди была арка с великолепными резными деревянными воротами. Вокруг искусно уложенный мрамор, отдающий вечностью, на котором изящно вырезаны заповеди с Моисеевых скрижалей, однако Иоанн даже не обратил бы на это внимания, если бы Аарон, поворачивая к Храму, не сказал:

– Этими воротами входят Антипа и Филипп, когда приезжают из Галилеи и Итуреи.

Иоанн по-прежнему ощущал тяжесть на душе и в теле. Голова кружилась, и казалось, его вот-вот стошнит.

Бейла с дочерьми отправились по внешнему двору к двенадцати ступеням, что вели в женский двор Храма. Аарон же с юношей прошли через барьер из резного камня, что отделял внешний двор от внутреннего. На нем были укреплены таблички с надписями на греческом и латинском языках, предупреждавшие, что неевреям под страхом смерти запрещено входить на священную территорию Храмового двора. Затем они напрямую вошли в священнический двор. И тут, при виде белоснежного Храма, уходящего высотой в небо и украшенного огромными тяжелыми пластинами из золота, Иоанн вдруг ощутил небольшое облегчение и даже святость. Проходя мимо огромного жертвенника всесожжения с рогообразными выступами

¹² Водный резервуар для омовения с целью очищения от ритуальной нечистоты.

по углам, он почувствовал, будто какие-то небесные силы, а может, и сам Бог ведут его и поднимают к Храму. И хоть сейчас на алтаре не было огня и левиты не разделявали туши баранов, специфический запах сразу же напомнил о том, что это за место.

Внезапно Иоанн почувствовал, словно какая-то тварь, сидевшая внутри него, вышла под воздействием чего-то неземного. Будто сами ангелы окружили его. Горло заболело, тошнота усилилась, словно что-то действительно выходило из него, только это «что-то» было не материальным, а духовным. Тошнило его душу, и как при отравлении непереваренные остатки пищи выходят наружу, так и сейчас его покинуло некое невидимое, но вполне реальное существо. Наконец пришло освобождение, причем так внезапно! От чувства тяжести не осталось и следа. Напротив, юноша ощутил, словно какая-то часть его оторвалась и испаряется в воздухе. «Невероятно, – подумал он, – это знак свыше». Еще мгновение назад он сжимался от бессилия, с трудом передвигая ноги, и вдруг такая легкость, что он готов пуститься в пляс, и была бы воля – обежал вокруг Храма десяток раз. Да что там обежать – в таком состоянии он в миг вскарабкался бы на Храм, если бы тот был скалой! Парню казалось, он заново родился, было даже страшновато от такого преобразования.

«Я должен запомнить этот день навсегда, – сказал он себе, – это день, когда сам Бог прикоснулся ко мне. Да, сам Бог!» – пораженно повторил он, глядя на могущественные колонны у входа в Храм. Вокруг стояли левиты и воспевали гимны, а молодой Иоанн не мог оторвать взгляда от помпезного святилища. Сквозь огромнейшие, в двадцать локтей высотой, украшенные золотом двери, открыть которые могли не меньше пятнадцати человек, юноша завороженно смотрел внутрь Храма. Он понимал, что в святилище могут войти лишь священники, но все же страстно желал разглядеть великую золотую минору или покрытый тем же вечным металлом жертвенник воскурения, о которых он слышал на уроках в синагоге. Однако он не решился подняться в притвор Храма и смог увидеть лишь легкий дымок, восходящий от жертвенника, на фоне багровой завесы, где красовались два льва со щитом Давида. Именно за этой завесой, в Святая Святых, девятнадцать лет назад его отцу явился ангел и возвестил о том, что у него родится сын, который станет предтечей Спасителя.

– Хочешь пройти в притвор? – вежливо предложил Аарон, указывая на ступени.

– Нет, спасибо. В другой раз.

Покидая Храмовую гору, Аарон, еще не спустившись по ступеням арки, остановился и уставился вниз, где у повозок с роскошными белыми лошадьми беседовали два богато одетых человека. Один из них был в облачении священника, другой одет в красивую пурпурную тунуку, каких Иоанн никогда раньше не видел. Тунука была украшена золотыми нитями и драгоценными камнями, да и сам мужчина был в золоте – на груди большая звезда Давида, а руки увешаны браслетами и перстнями. Рядом с повозкой в ожидании стояли рабы и наемные солдаты.

– Кто это? – спросил Иоанн.

– Это Анна, самый влиятельный человек в городе. Хоть первосвященник сейчас Каиафа – его зять, все понимают, что настоящая власть и контроль в его руках. А это Ленар, богатейший купец города, который покровительствует Анне. Половина менял города работают под его крылом, да и караваны в первую очередь идут к нему. Говорят, что Ленар имеет власть решать, какие товары ввозить в Иерусалим, какие нет, и цены сам устанавливает. Но ты держи язык за зубами!

– Конечно, дядя Аарон, я... не... не переживайте!

– Люди многого не знают сынок, да и тебе не стоит. Тут в тени такие дела решаются...

Сам префект со своей разведкой всего не знает.

– А люди? – почему-то шепотом спросил парень.

– А им что? Если радуга задержится на небе, то о ней начинают забывать. Так и тут: поговорили немного – и смирились. А вот смотри, какие паломники странные к Храму идут, – сменил тему Аарон.

Иоанн увидел четверых мужчин и двух женщин. Одеты они были на удивление ярко и броско. У каждого на руках браслеты, причем у мужчин даже больше, чем у восхитительных дам, в красивых, но не прилично коротких платьях.

– Артисты! – произнес Аарон и добавил с непроизвольной нежностью: – Дочка очень хотела сходить.

– Да, дядя, она рассказывала.

– Ну вот... нравится ей это. Говорит, что акробаты у них и танцоры потрясающие. Сходите! – подтолкнул Иоанна коэн. – Бейла, конечно, против, но мы ей и не скажем.

Один из мужчин показал пальцем на мальчугана лет семи, который шел ему навстречу. Тот остановился в недоумении. Артист взмахнул тростью, и она, как по волшебству, превратилась в платок. Глаза малыша засверкали, и раздался смех. Люди, видевшие это, остановились. Кто-то стал подходить ближе. Virtuoz показал мальчику монету, потом резко спрятал ее в другую руку и тут же раскрыл ладонь. Мальчонка в удивлении с визгом закричал: «Пропала!» Толпа засмеялась. А когда монета неожиданно появилась из-за левого уха мальчишки, раздался второй взрыв смеха. Другой артист взял из корзины торговца четыре граната и стал жонглировать ими, а одна из девушек положила дощечку на цилиндр и начала балансировать на ней под мелодию, что наигрывал на дудочке высокий и худощавый музыкант. Даже у дяди Аарона глаза засветились по-детски.

– Зазывают, – усмехнулся он.

– Вот это да! Им понадобился всего миг – и они привлекли внимание десятков людей, да так, что те позабыли про все на свете, куда шли и зачем! – Иоанн стоял завороченный, чувствуя восхищение и какую-то добрую зависть.

– В душе я тоже хотел бы быть артистом и веселить людей... – пробормотал он, но Аарон ничего не услышал.

Неподалеку Иоанн заметил странную повозку с двумя изящными лошадьми рыжей масти. Их головы были украшены перьями, а в шелковистые гривы вплетены разноцветные нити. И хоть они и были запряжены в повозку, их крупы были покрыты попонами, украшенными разноцветными бусинами и блестками, которые переливались на солнце, слепя глаза. В самой повозке стояла клетка с двумя яркими диковинными попугаями, лежали обручи и копыя, украшенные мехом, а также сетка с шарами, видимо, для жонглирования. При виде всего этого пестрого великолепия глаза Иоанна разбежались, рот расплылся в улыбке, и он хоть на миг захотел окунуться в этот мир.

Мятеж

Шли годы. Иоанн легко влился в ритм столицы. Дядя Аарон помог ему проникнуться тайнами политики и закулисных сцен, которые обыватели не всегда понимали. И конечно, он изучил суть обрядов в Храме, Тору и другие философии и верования. Для саддукеев было странно уделять внимание не только языческим философиям, но даже иным иудейским пророкам, однако Аарон был не как все. Иоанн же, в свою очередь, видел его внутреннюю борьбу за самоопределение и сочувствовал. Симпатии Аарона к другим учениям, выбивали его из общей массы власть имущего сословия саддукеев, контролировавших Судейский совет и принятие основных решений в городе. Казалось, что Аарон давно должен был готовить Иоанна к священничеству, особенно видя, что тесная дружба с его любимой дочкой может перерасти в супружество, тем не менее этого не происходило.

Однажды тетя Бейла, взяв с собой Илану и Эмму, отправилась к двоюродной сестре в Эммаус, городок западнее Иерусалима. Вернуться планировали на четвертый день. Аарон принес в дом чистого пергамента и перевод одной греческой книги – Иоанну следовало ее переписать, чтобы через три дня вернуть владельцу. Автором книги был некий греческий врач Гиппократ, который считал, что в теле человека имеются четыре основные жидкости: кровь, слизь, желчь и черная желчь. Преобладанием той или иной жидкости в теле Гиппократ объяснял разницу в поведении людей и их способность к общению.

На второй день после того как женщины покинули дом, к Аарону прибежал один из его знакомых. Иоанн встречал его до этого на Храмовой горе, однако имени не знал. Очевидно, что-то произошло, и взволнованный мужчина спешил поделиться этим с Аароном. Они о чем-то быстро переговорили и удалились, дядя предупредил, чтобы Иоанн никуда не уходил и дождался его возвращения, а если будет поздно – ложился спать.

– Что-то явно случилось, – подумал парень. За забором послышалась суeta. Люди, покидающие рыночную площадь, проходили за воротами дома необычно быстро.

– Неужели снова мятеж?.. – внутри Иоанна боролись любопытство со страхом. – Что ж делать?

Он выглянул за забор и увидел людей, спешащих в разных направлениях. Юноша вышел из дома и направился за потоком, который шел в сторону Храма. Преодолевая волнение, он остановился в переулке, словно прячась от кого-то и не решаясь выйти на площадь, что открывалась за углом. Дыхание его участилось, во рту пересохло.

– Люди... какие-то они непонятные, – подумал Иоанн про себя.

Вот мужчина, одетый в черные одежды, быстро двигается, подгоняя идущих перед ним двух парней лет пятнадцати и восемнадцати, видимо, сыновей. На лицах их написан страх, будто они от кого-то спасаются. За ними старик с женщиной и детьми, мальчиком и девочкой. Дети бегают и смеются – им, похоже, в радость видеть, как старшие, которые обычно еле плетутся, вдруг сами подгоняют их. На лице старика страх смешан с обидой. Он что-то бормочет под нос, обвиняя кого-то.

На площади раздался женский крик. Иоанн выглянул за угол и увидел четырех римских солдат. Они бежали в сторону Храма.

– Наверное, сейчас все сбегутся туда. Что же случилось?

Он вновь посмотрел на прохожих, но уже не тех, кто шел ему навстречу, спеша по домам, а тех, кто направлялся к Святой горе. На их лицах страха будто и не было. Они были полны решимости и бесстрашия.

– Те же горожане, – подумал Иоанн, – но в глазах совершенно другое послание.

Иоанн, в юной душе которого уже зрел бунтарский дух, решил последовать за ними. Приближаясь к западной стене, он приметил группу из семи-восьми мужчин, направляю-

щихся от крепости к арочному мосту, где располагалось здание синедриона. Юноша последовал за ними. Площадь перед мостом была переполнена – несколько сот человек. Большинство просто стояли молча, другие возмущенно переговаривались. Были и те, кто выкрикивали из толпы: «Руки прочь от священства!», «Свободу синедриону!», «Язычники, убирайтесь!»

Пробравшись в толпу, Иоанн по разговорам понял, что прокуратор Грат приехал из Кесарии в Иерусалим. Приехал очень недовольным, так как в его планы не входило посещение столицы в ближайшие месяцы. Римляне схватили бунтаря, которого давно искали. Тот, вероятно, на допросе выдал, что члены синедриона знали, где он, но покрывали его. Теперь префект зол на первосвященника, как никогда, и, видимо, жаждет назначить нового, преданного ему. Грат сейчас находился в Антонии, но пока он вызвал первосвященника Каиафу на разговор, Анна поднимал народ, чтобы продемонстрировать, что власть в руках священников и префект не должен идти против нее.

У входа в Палату тесаных камней¹³ было порядка двадцати охранников первосвященника. Однако вокруг все было окружено римскими солдатами. Вдруг раздался шум, и еще с три десятка всадников въехали с западной стороны. За ними с гулом топали еще около двухсот солдат в полном обмундировании: кто с мечами и щитами, кто с копьями, в доспехах и шлемах. Видимо, это была часть легиона, который размещался в замке Хасманеев. Всадники взяли толпу в кольцо. Шестеро из них поскакали к крыльцу синедриона и не спешившись с коней прошли через охранников первосвященника и встали позади них у самых дверей. Напряжение нарастало. Солдаты рассредоточились вокруг толпы и перекрыли все улицы, ведущие к площади. Вслед за этим еще сорок солдат подбежали к дверям и окружили охрану духовенства. Охрана была вынуждена отступить к толпе. Один остутился, и римлянин толкнул его копьем в спину – он упал. В ответ четверо из охранников схватились за кинжалы, готовясь достать их из ножен, на что первый ряд римских солдат обнажил мечи, а крайние в ряду направили копья в сторону стражников. Те медленно отступили, не снимая рук с рукояток кинжалов. Воздух накалился от напряжения. Военачальник в шлеме с посеребренным поперечным гребнем врезался в толпу на коне и загарцевал на месте между солдатами и охраной. Его панцирь был украшен наградными бляхами на цепи, а рука сжимала палку из виноградной лозы, знак его власти. Он злобно осмотрел толпу и, оскалась, крикнул:

– Вам что жить надоело? Даже не вздумайте прикасаться к оружию, иначе вся площадь сейчас наполнится кровью!

Из толпы раздалось: «Всех вам не убить! Убирайтесь в свой Рим! Дайте нам служить нашему Богу!»

Иоанн тоже хотел что-нибудь выкрикнуть и даже начал перебирать в уме подходящие фразы, но передумал: умирать он точно не был готов, а вокруг все окружено солдатами. Центуриона ничуть не смутили выкрики, и он так же сурово продолжал взирать на охрану и народ.

– Это не имеет ничего общего с вашей верой! – бросил он в толпу. – Поймана банда преступников, и сейчас решается их судьба!

– Вы сами преступники! – послышалось прямо позади Иоанна. Он обернулся в испуге, что кто-то может подумать, будто это он. Сердце забилося, ноги затряслись. Да, он еще явно не был готов к таким событиям. Храбрости пока не хватало. Он стал отступать в глубь толпы и тут заметил священников, узнав их по одеяниям. Среди них был и Аарон. Иоанн смутился и стал проталкиваться дальше. К его страху, что может пролиться кровь и начнутся беспорядки, добивалось волнение, что может вскрыться нарушенный им приказ дяди оставаться дома.

Начинало темнеть. Из-за спин солдат, что перекрывали проходы с улиц к площади, было видно, что толпы горожан стекаются с разных концов города. Наверху открылись ворота, те

¹³ Место заседаний Великого Синедриона.

самые, украшенные искусной резьбой, через которые тетрархи и свита, а прежде и царь входили на Храмовую гору. На мосту появилось около десятка представителей духовенства, они направились в здание. Это приковало внимание людей, и после того, как солдаты пропустили их внутрь, толпа разразилась радостными криками. Прошло еще немного времени, и вокруг стали зажигаться факелы. Вдруг, по сигналу военачальника, к Палате тесаных камней сбежалось около тридцати-сорока солдат, которые усилили блокаду двери, после чего военачальник с восемью солдатами вошел внутрь. Толпа стала недовольно шуметь. Доносились крики. Но вскоре, хотя уже спускались сумерки, все заметили, что центурион с теми же солдатами вышел на мост и направился в сторону Антонии. Кто-то даже спутал его с префектом и стал кричать из толпы: «Смотрите, Грат! Грат с ними!» Военачальник еще взбирался на коня, когда из здания вышел первосвященник Каиафа и, поприветствовав толпу жестом, дал понять, что договоренность была достигнута и народ может возвращаться по домам. Солдаты тут же расступились. Часть последовала в Антонию, а центурия, что пришла из дворца Хасманеев, направилась обратно. Народ не торопился расходиться, видимо, желая узнать подробности, да и обсудить события. Иоанн же, долго не думая, поспешил домой.

Пьяный священник

Дядя Аарон так и не пришел ночевать. В такие напряженные моменты синедрион обычно созывает срочное собрание, куда приглашают все духовенство. Наверняка он там или где-то с друзьями-саддукеями.

Ворота дома открылись лишь на следующий день, ближе к ночи. Аарон был пьян. Иоанна это привело в крайнее смущение – никогда ранее он не видел хозяина дома таким.

– Откуда он? – подумал Иоанн. – Мало того что пьян, так вдобавок какой-то настороженный и уставший.

Левый бок и рукав черно-белых одежд Аарона были в пыли, платок надвинут на голову больше необходимого, от чего терялась его степенность. Ко всему этому на груди красовалось хоть и небольшое, но заметное пятно от вина, напомнившее Иоанну почему-то морду льва. Аарон дошел до лавки под гранатовым деревом и рухнул на нее, тяжело выдыхая. Даже не глядя, он почувствовал взгляд Иоанна через приоткрытую дверь.

– Иди сюда, сынок! Как ты?

– Волновался, – ответил юноша. – Но пергамент я закончил.

– Принеси вина из погреба! – громко крикнул священник и добавил: – Того, что слева!

– Хорошо.

– И кружки возьми!

Иоанн пошел, не торопясь и обдумывая что-то по пути. Вскоре он вернулся с кувшином вина и кружками. Аарон что-то бормотал под нос, опустив подбородок и, как всегда, пытаясь разглаживать бороду средним и безымянным пальцами.

– Что у тебя с правой рукой? – резко спросил он.

– А что? – растерялся Иоанн, глядя на свою правую ладонь.

– Наливай уже! И себе не забудь.

Юношу насторожила такая речь – ведь перед ним был образованный и воспитанный священник. Аарон вмиг осушил свою кружку и жестом потребовал тут же наполнить ее вновь.

– Там что, мятеж был? – решил спросить Иоанн, сделав вид, что не знает о событиях на площади.

– Валерий Грат, скотина, опять решил сменить первосвященника. Духовенство уже устало, каждый год назначает нового. Ломает наш дух, собака, – язык Аарона заплетался, – хочет, чтобы во всем подчинялись ему, ублюдок! – Голос его наполнялся ненавистью, и он начал выдавать то, что накипело внутри. – Хочет рассорить синедрион и полностью все контролировать. Управлять нами, как куклами! – Аарон разом опустошил следующую кружку, треть ее пролив на бороду и одежды.

– Анна решил показать свою власть... вывел людей на мятеж, чтобы сохранить зятю должность. Если бы народ понимал, что на самом деле стоит за этим! Ты бы знал, ты бы только знал, сынок, какие страсти кипят в Иерусалиме! Они же... утопают в роскоши, и им все мало! Такой, как я, для них отребье, нищий! Что толку в моем происхождении! В их партии я никто... должен молчать... Чувствую себя мерзкой тварью. Устал я. Сердце ведь видит все, а сказать боюсь, – в голосе появился плачущий стон, будто Аарон взывал к жалости. – И если фарисеи правы, то... – коэн наполнил легкие воздухом, – даже не хочу думать! Что я скажу Всевышнему, если придется с ним встретиться? Чем я оправдаю свою трусость?! А?!

Многие мысли, наполнявшие Иоанна со вчерашнего вечера, лишь подтвердились словами Аарона. Парень сидел молча, не подавая вида, но внутри все кипело, штормили бури, и барабанная дробь содрогала оболочку души. Его дух будто отшлифовывался под наковальней в кузнеце Небес.

– Нет, – подумал он, – это все не зря! Это Бог через префекта создал этот случай, специально для меня создал! Пусть я ненормальный, но я так чувствую! Столько шума и проблем – и все ради того, чтобы мой дух вырос! Пора брать ответственность. Действовать пора, – нашептывал про себя Иоанн. – Рим нами играет, а мы все дальше уходим от Бога. Наши праотцы не простят нам этого.

Юноша почувствовал себя выше и значительнее от собственных мыслей, на душе потеплело от ощущения своей призванности, и, как ни странно, это чувство совсем не смущало его, а, напротив, казалось, даже подбадривало.

На дубовом столе, что стоял у лавки, продолжала теплиться лампада, скудно освещая двор. Этот дубовый предмет роскоши, умело вырезанный из дерева одним из лучших дамасских мастеров (о чем дядя любил часто упоминать), был гордостью семьи священника. И хоть он не был изготовлен на заказ, его вид явно отражал вкус хозяина. Изогнутые ножки, напоминающие боевой лук, под самой столешницей представляли мордами уверенных в себе львов. И хотя Илана как-то заметила, что было бы лучше, если бы все четыре морды выражали бы разные эмоции, ее отца удовлетворял и такой вид: уверенный, а не утрашающий взгляд зверей. У основания ножки переходили в львиные лапы, практически слитые в одну, но за счет растопыренных пальцев, служащие достаточной опорой. Сама же столешница по периметру была украшена резным пальмообразным узором. В центре умелец поместил контрастное поле для шахмат, покрыв пол доски темной смолой. Но поскольку Аарон так и не обучился этой игре, она никогда и не использовалась по задумке мастера. Восемь лет назад Аарону пришлось выложить огромную сумму за то, чтобы украсить свой дом столь шикарным столом. В те времена, когда в Израиле практически все предметы быта и мебели изготавливались из камня, дерево было редкой роскошью, которую могли себе позволить лишь состоятельные люди, и наличие подобного стола в хозяйстве говорило о многом. Именно поэтому тетей Бейлой было решено вынести его из дома во двор, на обозрение все гостям. Но не только это было ее подоплекой, а скорее просто предлогом для того, чтобы перенести частые застольные беседы супруга подальше от собственного личного пространства.

Неожиданно из хлева раздалось фыркание лошади, которая, видимо, проснулась из-за шума. Пламя лампы затанцевало на ветру, от чего тень кружки, отраженная в кувшине, тоже заплясала. И хоть темнота съедала даже воздух, Иоанн заметил, как слезы стекали по морщинистым щекам священника и, выделявая мудреные зигзаги, терялись в густой бороде и падали на пол. Иоанну оставалось только со скорбью смотреть на него и ждать, что будет дальше.

Но ждать пришлось недолго. Аарон еще сильнее зарыдал, заставив юношу напрячься и насторожиться. Внутри все скукожилось и замерло в неприятном ожидании. Священник сделал несколько глотков и, тяжело вздохнув, наконец расслабился.

– Иудеи будут спорить из-за Торы, писать о ней, сражаться и умирать за нее – но только не жить по ней. Да и я ничтожество, сынок! Предаю свое сердце, а ведь совесть тысяча свидетелей. Как же я хочу покоя в душе, сынок! – со стоном проговорил коэн, – как я хочу покоя в душе! Как устал от этого! Тупая, никчемная жизнь... – он закрыл лицо ладонями, вытирая слезы. – Обещай, что никогда не будешь трусом, как я! Потом никогда не сможешь себе этого простить. А совесть – ведь она несговорчивая. Бьет так, что лошадь копытом. Тут ни власть, ни богатство не помогут, ее, сынок, ничем не подкупишь, – жестко закончил священник и уронил голову.

Иоанн замер и не знал, отвечать ему или нет. Честно говоря, он и не понимал до конца, о чем вообще идет речь, лишь догадывался, что дядя не доволен тем, как власть имущие принимают решения в городе, или как синедрион управляет делами в Храме. Что-то из этого, но какие именно страсти кипели там, он точно не знал.

– Ты для чего живешь!? – вдруг резко и громко спросил Аарон.

Иоанн дернулся от неожиданности, а затем напрягся, пытаясь найти подходящий ответ, но ничего не придумал:

– Ну, как сказать...

– Как?! Так и скажи. Для... чего... ты... живешь?! – голос священника звучал так свирепо, что юношу охватил трепет.

– Не знаю, – побоялся даже что-то предположить Иоанн.

– Не знаешь?! Так вот и я тоже не знаю! Больше полувека прожил в полном неведении. И сейчас сдохну, так и не поняв смысла...

Наступила пауза. Иоанн очень робко поднял взгляд, но, заглянув в лицо Аарона, тут же испуганно отвернулся. Глаза старика блестели от слез, в них проглядывали печаль и разочарование.

Молчание. Опять молчание. Они молчали около трех минут. Три минуты в такой ситуации – это целая вечность. Иоанн, было, подумал, что Аарон вообще уснул, но тот не сдавался – он осушил еще одну кружку вина, вновь половину пролил на себя.

– Зачем вы пьете? – вдруг спросил парень, настолько неожиданно для самого себя, что в тот же миг даже засомневался, действительно ли он произнес эти слова вслух или они прозвучали только внутри него. Аарон поначалу никак не отреагировал, и Иоанн стал склоняться ко второму варианту, но тут священник с пьяным сарказмом усмехнулся:

– Зачем?! – повторил он, словно пытаясь указать на глупость такого вопроса. Его мутные глаза были скрыты под восковыми веками, отчего казалось, что он бормочет в дреме.

В этот момент Иоанн почувствовал, как из-под правой подмышки скатилась капля пота. Она щекотно скользнула до самого живота, и там, прикоснувшись к рубашке, впиталась в ткань. Он не знал, что делать. Даже подумал уйти, но оставить сейчас этого человека в одиночестве он не мог. Нет, потом он бы себе этого не простил.

– Какой ты еще сырой! Еще не знаешь о жизни, – произнес священник, все так же не открывая глаз, и затем добавил:

– Как глупо, я прожил свою жизнь и даже не знаю, что тебе, молодому, сказать.

Такие люди, как Аарон, как правило, ищут покой. Ничто в жизни не радует их так, как умиротворение. И не то чтобы коэн был абсолютно лишен всяких амбиций или тщеславия. Просто его притязания были очень своеобразны – неэгоистичны и нетребовательны. Он даже при первом взгляде напоминал улитку, которая в случае опасности прячется в своей раковине, лишь бы не быть тревоженной. Однако если этот покой отнять у нее или же как-то на него покуситься, улитка сразу же преображалась в собаку, обороняющую свое пространство; обороняющую, но в то же время лишенную клыков и свойственных собаке инстинктов. От этого Аарон казался мягок и неуверен, и собака в нем представляла неким притворством, фальшью. Именно от этого странного сочетания подобные Аарону люди часто страдают внутри себя. Но стоит заметить, что страдают лишь тогда, когда нарушен их покой, который они не способны защитить или обеспечить.

Иоанн уткнулся глазами в пол и напряг мозги, а через некоторое время оптимистично сказал:

– Я буду искать справедливости.

– Что? – Аарон наконец открыл глаза. Да не просто открыл, а распахнул, при этом взгляд его исполнился удивления. – Ты что, Платона прочел в моей библиотеке? Тебе делать нечего?

К тому времени юный Иоанн значительно продвинулся в своем самоопределении, сражаясь, порой осознанно, а иногда и вовсе отвлеченно, за свой потенциал. Сердце продолжало косвенно убеждать его в том, что необъятный мир вполне возможно объять, если на твоей стороне Небеса. Эти порывы юного сердца бывали настолько сильны, что, даже атакованные Аароновым пессимизмом или же ворчливостью тети Бейлы, они продолжали порождать грандиозные

видения грядущего величия. Казалось бы, молодой человек мог питать силы в мечтательности и смелости своей возлюбленной Иланы, однако ее цветущие мысли были, как правило, оторваны от Палестины и уплывали в иные цивилизации, где жизнь проходила непринужденной и радостней.

И все же подобные порывы были еще довольно туманны и мало влияли на повседневную жизнь Иоанна. Он чувствовал, что внутри него жила и зрела природа льва, знающая, что в будущем суждено выходить на охоту и побеждать. Пока же он оставался юным зверем, в котором совмещались гордость идентичности и опасения неопытности. При этом сердце было уверено – храбрости суждено себя проявить, и это время близится.

– Да, и если понадобится, посвящу этому всю жизнь! – уверено заявил юноша, осмелевший от вина.

– Дурак!!! – воскликнул коэн. – Ничего ты пока не понимаешь! Но я тебе открою одну вещь, – чуть слышно добавил он, видимо, чтобы парень сконцентрировал свое внимание, – о ней ты никогда не должен забывать. Она поможет тебе раскрыть если не все, то множество тайн.

Иоанн почувствовал, как его мозг открывает свои хранилища, готовясь поглотить услышанное.

– Так вот, – произнес священник, – просто смотри на все сверху! Понял?

– Да, конечно, – торопливо ответил юноша в недоумении.

– Ни чего ты не понял!!! – раздался крик. – Но скоро поймешь. Главное – запомни.

Иоанн действительно не понял, что имел ввиду Аарон. Вино навело немало хмари в голове, и как он ни пытался разогнать ее, не выходило.

– Давай выпьем, – предложил священник, наполняя кружки. Вся его серьезность куда-то ушла.

– Эх! Хуже вина лучше нету, – бодро сказал он и принялся пить. – Где этот чертов певчий Ровоам? Я бы его сейчас в петтейю¹⁴ обыграл. Он у меня сейчас заплакал бы, плут.

Ровоамом был левит, который жил через пять домов от коэна и частенько заходил к нему на беседу или поиграть в ту самую петтейю.

– Что ты так переживаешь? Все нормально! – Аарон улыбнулся и продолжил пить. Иоанн тоже улыбнулся и глотнул немного вина.

– Эх, мальчик! Если бы ты знал, что у этого старого дурака в голове, – сказал он, постучав кулаком по своему лбу.

– Не легкое это дело – искать смысл жизни. Эта тварь, чуть было не довела меня до грани... Не знаю, наверное, сам Господь уберег меня от этого. А ты зря ее недооцениваешь... Это не просто фраза – это ключ в другой мир, где все намного выше и умнее. И то, что кажется в этом мире всем, в том мире – ничто, – Аарон говорил так тихо и настороженно, что Иоанн замер и старался ничего не упустить, хотя не понимал, о чем болтает коэн. Лишь интонация подсказывала, что сейчас будет нечто важное.

– Так что, готов к путешествию?

Иоанн что-то пробурчал себе под нос.

– А ничего, – ответил священник, как будто парень спрашивал его о чем-то.

– Я же сказал: Просто посмотри на все сверху... Ну хорошо, хорошо. Будет лучше, если ты закроешь глаза.

Иоанн последовал совету и озадаченно закрыл глаза.

– Для начала, я думаю, не стоит подниматься слишком высоко. Представь себе, что мы вдвоем сидим на облаке... представил?

– Да.

¹⁴ Древнегреческая игра шашечного типа.

– Теперь посмотри вниз, видишь Грата?

– Нет.

– Дурак! Так представь себе, что видишь!

– Хорошо-хорошо.

– Видишь толпу мятежников?

– Да, – согласился парень, только бы не злить собеседника.

– Ну так вот, на земле он префект и вроде бы имеет власть, может что-то решать, но отсюда, с облаков, он просто точка, как многие другие. Отсюда все словно становятся равными. Ты понимаешь, что если у него и есть власть, то она временна. Скоро его не станет. До него были сотни таких же, и будут после. Что думаешь, они там, в Риме, боги, что ли? Что этот Сулла, Помпей, Цезарь, а теперь и эти Август с Тиберием возомнили себя... – Коэн хоть и был пьян, но не настолько, чтобы изругать императора. – Все они, сынок, простые люди. Отбери власть, прижми к стене и погляди в их глаза... А люди им храмы, города возводят, богами величают.

Наступила пауза.

– Посмотри на первосвященника. Он думает и живет так, словно его власти не будет конца и что он судьбу иудеев держит в ладони. Но на Небесах ты понимаешь, что это ничто. Время все меняет. Власть может прийти и так же неожиданно уйти. Вспомни Архелая. Он был такой довольный, что Иудея досталась именно ему, а не братьям, и что? В ссылке теперь!

– Давай в Рим полетим, сынок. Видишь императора?

– Вообще-то трудно представить то, чего я никогда не видел.

– Ащц... – пробурчал с досадой пьяный Аарон. – Это уже на твое воображение. Как хочешь, так и представляй. Он думает, что он бог, что весь мир у его ног и он будет решать его судьбу вечно. Но это не так. Умрет, как и все, – он нарочно протянул последнее слово, словно вынося приговор. Это доставило ему такую радость, что он даже горделиво задрал подбородок.

– И Римской империи когда-то придет конец, вот увидишь. Время меняет все. А мы, наивные, живем так, будто мы вечные...

Вот ты сейчас сидишь на облаке, и тебе все видно с высока. Проблемы кажутся ничемными и временными... Вот так, сынок, это и спасает меня, выводит из отчаяния, помогает смирение найти пред Богом.

Для Иоанна такие вещи казались странными. Он с трудом понимал печали Аарона. Его кровь, напротив, кипела, в предвкушении великого будущего, судьбоносных перемен в истории Израиля. А тут взрослый мужчина разочаровался в жизни и пребывает в такой апатии, будто в мире не осталось ничего светлого, ради чего хотелось бы жить.

– Только имея власть, сынок, можно узнать себя.

– О чем вы?

– О шестилетней войне век назад. Была у нас, саддукеев, власть и что? Как только ее получили, сразу в дикарей превратились. Пятьдесят тысяч фарисеев убили... Вот что власть делает – убивает в тебе все доброе. А пока ее нет, ты и представить не можешь, что ты за человек.

– Поэтому править должны такие люди, как вы, дядя Аарон!

– Глупый ты еще, Иоанн. Если мне дать власть, то сердце сразу же зачерствеет, и я, возможно, стану хуже Ирода. Без власти мы все хорошие. Да и ты можешь о себе думать все что хочешь, но если в руках окажется сила, только тогда поймешь, кто ты на самом деле, Иоанн. Запомни эти слова, сынок.

Коэн подпер щеки кулаками, одновременно закрыв глаза. Он даже думал было опереться локтями, но осознав, что перед ним нет стола, лишь встрепенулся и тут же потянул плечи назад. Отрезвляющая бодрость слегка напрягла его размякшее тело.

– Ооох... – протянул Аарон, – ох-ох-ох, иногда легче пережить боль и страдания, чем успех. Вот так, сынок. Я лучше буду страдать, да что там я – большинство! А вот справиться с победой, это... это испытание! Придет слава в твои руки – вспомни Навуходоносора. Не глупость, нет, да и не слабость свела его сума, а гордость, гордость, сынок, гордость... – Священник опрокинул голову и мутными глазами уставился на холодный свет звезд. Небо местами заволочило облака, и ветер разбивал эти серые от света луны клубы, превращая их в бесформенный дымок. Именно эту пелену пронзал проникновенный взгляд Аарона.

– Ведь все, все было в его руках! Успех за успехом. Вавилон, ох, великий Вавилон... – Аарон выждал паузу, а затем резко обратился к собеседнику, уставившись в его лицо: – А хочешь, расскажу тебе свой любимый анекдот?

– Давайте, – торопливо ответил Иоанн.

– В общем, корабль терпит крушение. Два раввина спаслись и плывут в лодке по морю. Плывут они час, другой. Вокруг ничего не видно, одно море. Вдруг в лодке появляется пробочина, и начинает затекать вода. Младший раввин запереживал: «Равви, равви, смотри – вода!» Старший – ноль внимания. Гребет себе, как раньше. Младший закрывает дырку ногой. Вода все равно затекает. Тогда он снимает одежду и пытается заткнуть ее, но вода не останавливается. «Равви, равви, – засуетился он и стал бегать по лодке, что-то ища. – Мы же утонем, равви!» Ничего не найдя, он закрывает дыру своим телом... ну, ты понял чем, в общем. Но и это не помогает. Он в панике. Уже пол-лодки залито водой, а старший по-прежнему гребет, хоть бы что. Младший в истерике и в слезах: «Равви, мы же утонем!» Старший спокойно поднимает весло, замахивается и со всей мощи ударяет того по лбу. Младший в недоумении: «За что, равви?!» – «А что делать, Симон?... Что делать?»

Иоанн сначала в недоумении посмотрел на Аарона, и только после того, как старик улыбнулся, сам разразился смехом. Да так, что сам поразился. Вроде и не должен смеяться, и непонятно как-то, но он смеется и не может остановиться, словно захлебываясь в смехе.

Аарону понравилось, что он смог рассмешить парня, и он решил продолжить:

– Еще один?

– Ну давайте.

– Встречает погонщик ослов по пути раввина. И спрашивает: «О мудрейший, Небеса послали мне тебя, помоги же понять загадку природы. Мне нужно перегнать из одного города в другой десять ослов. Перед тем как отправиться в путь, я их посчитал. Их на самом деле было десять, и я беззаботно отправился в путь. По дороге я опять посчитал головы, а их оказалось девять. Я расстроился и решил устроить привал. Когда ел, решил снова посчитать ослов, и их стало десять. Я, конечно, обрадовался и продолжил путь, а через некоторое время гляжу: животных опять стало девять. Я заметил, что ситуация повторяется: в пути у меня всегда девять голов, а на отдыхе десять. Скажи, равви, сколько ты видишь здесь ослов?»

– «Одиннадцать!»

В этот раз они засмеялись одновременно и, глядя друг на друга, еще долго не могли остановить смех.

Наконец обессиливший Аарон, закрыв глаза, опустил голову на грудь.

– Сейчас вспомню еще, – зевая, чуть слышно пробормотал он. Однако Иоанн так и не дождался – священник уснул. Поднять его юноша не решился, но принес из дома мешок со шкурами, подложил ему под голову и накрыл покрывалом.

Одурманенный вином, Иоанн отправился к себе и лег на кровать. Слезы потекли к ушам, на душе было свободно. От предвкушения будущих побед в нем разыграл некий азарт.

– Я рожден для чего-то великого, – сказал он себе тогда, – я должен... я нужен... – он пытался зацепиться за мысль и дать ей хоть немного продолжения, но вино расслабило его настолько, что все мысли пролетали мимо.

– Я нужен... Могу...
Юноша уснул.

Вода или камни

На следующий день, к вечеру, из Эммауса вернулась Илана. Ужин был полон рассказов о впечатлениях, полученных в дороге и в гостях. О напряжении, которое еще не успело выветриться из домов жителей Иерусалима, женщины не знали, поэтому вели себя непринужденно. В то же время и Аарон, и Иоанн за столом были скованны и с трудом делали вид, что им интересно. Пришлось сослаться на то, что они много работали и не выспались. Едва завершился ужин, как Илана схватила своего друга за запястье и вывела во двор.

– Пойдем, я должна тебе столько всего рассказать, – сказала она, таща Иоанна на крышу дома, ее излюбленное место, где она проводила почти каждый вечер, иногда даже засыпая там. Девушка сияла радостью, полная мыслей о чем-то неземном.

Иоанн же был погружен в себя. Он знал, что в синедрионе и среди народа царят напряжение и неприязнь к прокуратору. В юноше закипали мятежные мысли, и если он о чем-то и хотел мечтать, так это о том, как освободить Израиль и позволить Божьему представителю хозяйничать на святой земле. Рим все больше представлял перед ним злобной и разрушительной машиной насилия и угнетения, а духовенство казалось прогнившим и не способным отстаивать интересы Всевышнего. От всего этого голова юноши была полна мыслей о том, что со всем этим делать и какова воля Бога в его отношении.

Илана же без устали восхищенно тараторила о том, что была на полпути к своей мечте – к морю. Она почти чувствовала его воздух и манящий запах, находясь в Эммаусе, хотя до моря было более ста стадий. Она уже все рассчитала и теперь просила Иоанна бежать вместе с ней к морю.

– Это же наша общая мечта, Иоанн! Нам и говорить никому об этом не надо. Просто сбежим в Кесарию, и все! – подстрекала она. – Ну что, ты пойдешь? Ну? – она шутливо толкнула его в грудь. – Кесария, представляешь себе? Это жемчужина мира. Чудо неписанное. А потом... потом поплывем в Грецию! Ну? Пойдешь?!

– Ну да, – вяло ответил Иоанн, – конечно, пойду. – Его глаза уже не горели влюбленной страстью, хотя за последнее время между ними сложились настолько тесные отношения, что все вот-вот ожидали свадьбы.

– Еще бы, – сказала она, – я знаю, как ты хочешь этого. Я ведь не для себя это все придумала – хочу, чтобы ты был счастлив!

– Спасибо, Илана, – стараясь не выдавать грусти, ответил он. – Извини, мне надо выполнить поручение твоего отца.

– Что с тобой? – с тревогой спросила девушка. – Уже поздно. Побудь со мной – я так соскучилась!

– Правда, надо идти, – уходя к лестнице, отвечал ее возлюбленный, – я обещал!

В ответ послышалось обиженное «Хммм...», но юноша уже стремительно направлялся к своей обители. Войдя внутрь, он даже запер дверь, чтобы Илана не беспокоила его там.

Молодой человек зажег лампаду и бросился на кровать. Душа его разделилась и наполнилась болью. Он искренне любил дочку Аарона. Уже не раз представлял, как они счастливо живут вместе, вдохновляя всех вокруг своими образцовыми отношениями. Как он будет касаться ее нежной матовой кожи, как будет страстно гладить ее лицо и как зацелует ее с ног до головы. Илана казалась ему идеальной половинкой, безупречной матерью их будущих детей, и он мечтал о том, чтобы стать ее истинным не только партнером, но и другом, оберегающим ее до самой смерти. Иоанн знал, что и она мечтает о том же. Что желает посетить вместе с ним Александрию, Афины и Рим. Но хочет ли этого Всевышний? Видит ли Он его таким или ждет чего-то иного? Душа боролась. Что-то перерождалось в его еще юном сознании. Вещи казались новыми – не то чтобы другими, нет, но выражались с большей глубиной. Чувства набирали

амплитуду, желания поглощали полностью, и все это отрывало его от реального быта, к которому он так привык, связывая с чем-то неземным, толкая к исполнению Воли Всевышнего.

Он лежал в темноте и думал о судьбе Аарона.

Быть таким? Нет. Это подобно предательству. Знать, каков ты, но всю жизнь притворяться другим. Это не для меня! Я вижу, как он ненавидит себя, бедный Аарон. Видит, но не может говорить. Боже, что же с нами делает страх!..

Однажды, в их дом зашел знакомый Аарона – книжник Самуил, с которым они решили обсудить тему, начатую день назад в синагоге. Касалась она того, что происходит с человеком после смерти. Иоанн любил такие разговоры, поэтому сел за дверь, притворившись спящим. Уже не раз он прибежал к таким хитростям, особенно когда чувствовал, что тема беседы не будет отдавать томительно-ссохшимся бытом.

За годы, проведенные в доме отцовского друга, Иоанн видел его разным. Он бывал совершенно изнуренным, правда, усталость чаще была вызвана не зноем или телесной истомой, это была больше усталость угнетающей обиды и порой даже гнева, который тяготил душу. Видел он коэна и купающимся в радостной легкости. В такие дни тот просто вбегал во двор, почти никогда не закрывая ворота до конца, а лишь толкая их, не оборачиваясь. Шутки из него тогда летели одна за другой. Илане, как правило, доставались объятья, а супруга, как ни увертывалась, награждалась вдобавок и поцелуем в левую щеку (не то чтобы ей это было не по душе, просто ее смущали прилюдные ласки).

В общем, видел, видел Иоанн его разным: и задумчивым, и угрюмым, и веселым, и осуждающим, однако более всего он любил, когда глаза дяди светились жадной мудрости. Это было счастливое осознание грядущих, причем именно грядущих, а не постигнутых уже познаний. Подобный блеск в глазах Аарона Иоанн и не мог понять иначе – это была именно она, жажда нового понимания таинственной небесной истины, что поражала подобно заразе. И коэн в такие моменты мог и не спать вовсе, до утра проводя в библиотеке; без усталости перебирая тексты Писаний.

Иоанн обожал дядю таким и в подобные минуты желал быть ближе к нему. Вот и сейчас, увидев этот самый запал на лице коэна, он прибег к своей хитрости и внимательно вслушивался в беседу.

Самуил был праведным книжником. Из разговора Иоанн понял, что он был саддукеем, который недавно стал поддерживать партию фарисеев. Аарон же пытался обратить его назад, однако сам Самуил наверняка пришел в дом с таким же желанием, поскольку заметил в Аароне склонность к учению фарисеев. Иоанна сразу же привлек голос книжника. Он был таким добрым! Вроде простые слова, а в них слышалась святость. Интонация, отношение, с которым это все говорилось, были освежающие – Иоанн будто умылся в холодном горном источнике после похода через знойную пустыню. Даже кожа покрылась мурашками.

Держался Самуил важно, словно саддукей, однако говорил с огромным энтузиазмом о вещах совершенно не свойственных им.

– Самуил, ты должен помнить, насколько важен порядок. Если мы поддадимся искушениям, что исходят от фарисеев, мы поседем смуту.

– Аарон, родной мой, если тебя мучит жажда, какое тебе дело до формы кувшина? Пойми, что времена меняются, и мы так долго не протянем. Народ ненавидит саддукеев до такой степени, что нам скоро предстоит во всем потакать несчастной горстке фарисеев в синедрионе. Простолюдины все больше полагаются на фарисеев и доверяют им. Если мы хотим сохранять власть, мы должны подумать о том, как они смотрят на нас. Народ уже отождествляет саддукеев с римлянами, за людей не считает.

– Но те темы, что ты поднял в галерее, не должны там обсуждаться. Молодые не поймут, а глядишь, заразятся идеями ессеев.

– Да я же лишь слегка упомянул о них. Парень действительно был очень воспитан и образован, из почетной семьи и рода. Я не удержался.

– Иоанн! – раздалось во дворе. Это был голос Иланы.

В разговоре священников наступила пауза. Иоанн не хотел выдать себя, он замер, затаил дыхание и, на всякий случай, закрыл глаза.

– И все же, – продолжил дядя Аарон, – не стоит затрагивать ессейское учение на публике, мне кажется.

Иоанн медленно приподнялся и нехотя вышел во двор. В голове была одна мысль – побыстрее развязаться с Иланой и скорее вернуться обратно. Увидев девушку, принесшую воду с источника, он не сразу обратился к ней, не желая выдать себя. И даже после того как она заметила его и обратилась, он сделал несколько быстрых шагов и спросил негромко:

– Да, Илана, ты звала?

– Да, звала! Я пойду к резервуарам еще раз, пока не стемнело, а ты помоги, пожалуйста. Отнести воду на кухню и добавь масла в лампы. Вообще-то мог бы и со мной прогуляться, – добавила девушка и кокетливо взмахнула ресницами.

– Конечно, – ответил Иоанн, взяв кувшины с водой и отправившись на кухню, – то есть я сделаю, но, извини, не пойду. Ты же знаешь, немужское это дело – носить воду.

Тут, как всегда, раздалось обиженное «Хмм...».

Не прошло и минуты, как Иоанн, так же неслышно, вернулся в дом и улегся на старое место.

– Мне самому интересна эта тема, Самуил, – послышался голос дяди Аарона, – у меня нет четкого ответа на это. Кто знает, что будет после смерти, но хочется верить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.